

Александр Тимофеевский

Избранное

Александр Тимофеевский

Избранное

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Тимофеевский
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Т41

Тимофеевский, Александр Павлович

Т41 Избранное / Сост. Н. Дьякова. – М.: Воймега,
2018. – 324 с.

ISBN 978-5-6041935-0-1

В стихах Александра Тимофеевского соединяются гражданская лирика с метафизикой. Некрасовская и тютчевская линии, которые в русской поэзии часто противопоставляются друг другу, здесь сплетаются и становятся одним целым. В этом сочетании своеобразие и выразительность поэзии Тимофеевского. В «Избранное» вошли стихи, написанные поэтом за 65 лет.

Книга издана при поддержке Союза писателей Москвы.

ISBN 978-5-6041935-0-1

© А. Тимофеевский, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

От автора

В восьмидесятых годах я намеревался издать книгу стихов, но это не удалось. Однако от книги осталось вступление, которое я хотел бы здесь привести. Вот оно.

Мне хотелось, чтобы читающий эту книгу не искал отдельных стихов, которые могут быть лучше или хуже, которые, подобно платью, «пришлись бы к лицу» читателю либо, наоборот, «не пришлись» и были им отвергнуты. Я бы хотел, чтобы внимательный читатель рассматривал всю книгу как единое целое, как роман в стихах, не имеющий названия, но зато имеющий совершенно определённого героя, образ которого и является главным созданием автора.

Герой этот — человек, явившийся на свет в тридцатые годы, растерявшийся на сломе века и доживший до наших дней в ясном уме и относительном здравии, так как страдает одной распространённой болезнью.

Симптомы этого недуга заметил ещё Лермонтов. Поэт очень тонко указал на феноменальную способность русского человека к двоедушию, которое приобретает в результате разлада между нравственным чувством и жизненной практикой. Причём речь идёт о двоедушии, если можно так выразиться, самом естественном, искреннем, непосредственном. Ведь «лукавый раб Киребевиич» вовсе не лукавит. В момент своего признания царю он натурально верит в ту версию своих отношений с Алёной Дмитриевной, которую излагает Иоанну Грозному. Таков, впрочем, и Печорин, и некоторые другие лермонтовские персонажи.

В мире, где существует герой моих стихов, болезнь эта распространена, как насморк. И большинство относится к ней так же, как к насморку, то есть не замечает.

Я ж останусь до седин
Прогулявшим школу мальчиком...

Из школьной тетради

1950-е

Тишина, погасли фонари,
Ветра нету, право, чем он занят?
Мчится ль к нам, о нас ли говорит
Или где-то плавает в тумане...

* * *

Я с первым солнцем ждуть привык
Весенней почты звонких строчек.
О, как понятен мне язык
Набухших до предела почек.
Прорвёт в апреле лень дождей
День, моря синего синей,
И утверждаю, осмелев, я,
Хватило б трёх таких же дней,
Чтоб распустились все деревья.
И пусть опять дождей стена
И не пройти от зданья к зданью,
Природа вся напоена
Могучей силой ожиданья.

* * *

Если ты душою болен,
Выходи на море смело
В час, когда луна свисает
Алычою переспелой.
Если ты душою болен,
В сердце след от раны рваной,
Осторожно ляг у моря,
И оно зализет рану.
Только это делать надо
Осторожно и умело
В час, когда луна свисает
Алычою переспелой
И зелёные деревья,
Утопая в синем дыме,
Начинают нам казаться
Почему-то голубыми.
И тогда не удивляйся,
Если из волны громады
Выйдет девушка на берег,
Чтобы сесть с тобою рядом,
Как земная плоть живая,
Лучше сказок и желаний.
Поглядит и скажет: «Милый,
Мне не надо обещаний,
Мне и слов твоих не надо,
Слово — лишний груз для зрячих,
А что думаешь, узнаю
Я из глаз твоих горячих».

И тогда замрут цикады,
И волна пойдёт на убыль,
И увидишь близко, рядом
Очень ласковые губы...
Только это делать надо
Осторожно и умело
В час, когда луна свисает
Алычюю переспелой.
И пускай друзья смеются,
Что тебе, мол, сладко спится,
Что во сне могли присниться
И похлеще небылицы...
Пусть смеются, пусть не верят,
Разве в мненье чьём-то дело
В час, когда луна свисает
Алычюю переспелой.

* * *

Я всё музу беспокою,
Я теперь хочу помочь ей
Написать тебя такую,
Как была ты прошлой ночью.
Я вписал бы без ошибки
С леонардовым умением
От улыбки до улыбки
Всю тебя в стихотворенье.
А потом бы каждый вечер
(Разве это невозможно)
Из стихов тебя за плечи
Вынимал бы осторожно.
Чтоб строфа не развалилась,
Я вставлял бы многоточье.
И опять бы повторилось
То, что было прошлой ночью.

* * *

На углу дождливой Моховой
Встретился я как-то сам с собой.
Половина улиц – безо льда,
Половина неба – голуба.
Целый год себя я не видал,
А сегодня встретились – судьба.
Я стою и мокну под стеной,
Неопрятный, заспанный и праздный...
Оттепель смеётся надо мной,
С талых крыш капелью грязной дразнит.
Отойди, капель, меня не зли,
В голове ещё гудит от хмеля.
Видишь, на растопку повезли
С Рождества оставшиеся ели.
Я с тоской бросаю взгляд косою
На асфальт, от луж и нефти синий,
Где машина чертит колесом
Параллели линий Пикассо,
Параллели безысходных линий.
А кругом прохожие спешат,
Поглядят, и что-нибудь решат,
И, пройдя по правой стороне,
Через миг забудут обо мне.
Да и есть ли смысл запоминать,
Мало ль встреч случайных на панели –
Вот пройдут машины и опять
Новые начертят параллели.

Домовой

Как старался домовой
Чёрных лестничных провалов,
Чтоб в парадной угловой
Ты меня не целовала.
По-собачьи подвывал
И считал ступени гулко,
Все подъезды закрывал
В Мерзляковском переулке.
И всегда он был готов
Сделать пакость нам любую —
Натравить на нас котов
И уборщицу рябую.
Мог мальчишек подучить —
С домовыми в дружбе, черти, —
Быстро лампочку включить,
Напугав тебя до смерти.
Мы стоим рука в руке,
Мы прильнём к щеке щекою,
Он гремит на чердаке,
Не даёт всю ночь покоя.
Милый старый домовой,
Мне заняться нынче нечем...
Я в парадной угловой
С ним ищу сегодня встречи.
И, как в тот далёкий год,
Вновь роняю по привычке
В чёрный лестничный пролёт
Перекусанные спички.

Жду ответа с чердака
И прислушиваюсь чутко —
То ли нету старика,
То ли вышел на минутку.

Маме

Заложили окна ватой,
От дыханья стёкла мокнут,
По сугробам воровато
Ночь крадётся к нашим окнам.
Подошла — и ставню точит
И течёт в окно упрямо,
И, проснувшись среди ночи,
Я кричу в испуге: «Мама!»
Поцелует в щёку, в лоб ли,
И конец моей тоске.
Я усну на тёплой, тёплой
Доброй маминой руке.
Будет время, ночь из детства
Обернётся пули свистом,
И, куда не зная деться,
Я прижмусь к сосне смолистой.
Щёлк затвора вороватый,
Кто-то в сердце целит прямо.
И опять в тоске проклятой
Закричу я громко: «Мама!»
Ствол сосны, чужой и блёклый,
Покачнётся вдалеке,
Я усну на тёплой, тёплой
Доброй маминой руке.

* * *

Заботу принесла зима –
Мой лучший друг сошёл с ума,
Идеей странной одержим,
Твердит он об одном...
Остерегайтесь встречи с ним
И не пускайте в дом.
Готов он всем наделать бед,
Рассудку вопреки,
И лучше на его привет
Не подавать руки.
Он вам в лицо уставит взгляд,
Он преградит вам путь,
Он так посмотрит, словно рад
Смутить и упрекнуть.
Бегите прочь,
Прибавьте шаг,
Не подымайте глаз,
Не то, схвативши за пиджак,
Он станет мучить вас.
Он скажет, что пришёл мороз
И небо взял в тиски
И небо наземь сорвалось,
Разбившись на куски.
Охвачен думою одной,
Он крикнет вам вослед:
– И солнце есть, и шар земной,
Лишь неба больше нет!
Припомнив этот крик не раз,
Мы погрустим тайком,

Но нету времени сейчас
Возиться с дураком.
Про боль и неба пустоту
Нам нечего плести,
Мы сами трудимся в поту
С шести и до шести.
Больного друга ждёт кровать,
Пускай лежит в тиши.
Он мне мешает есть и спать
И пропивать гроши.
Мне ни к чему чужая злость,
Не надо мне тоски
О том, что небо сорвалось,
Разбившись на куски...
Несчастье принесла зима,
Я скоро сам сойду с ума.

Ночной поезд

Плетётся поезд еле-еле,
У полустанка грязь и снег,
С рукою за бортом шинели
Стоит недвижно человек.
Ложится тень от монумента,
Вширь раздаётся и в длину –
На нас, на лес, на рельсов ленту,
На всю бескрайнюю страну.
Мы от неё упрямо едем,
Блестит в окно луны оскал.
Уныло пьяные соседи
Поют про озеро Байкал.
Что за беда у них? Спроси их.
А в песне той разгул и стон,
Как будто пьяная Россия
Вместилась вся в один вагон.
Как будто их судьбой суровой
Сдавило всех, скрутило в жгут,
Как будто в бочке омулёвой
Сейчас все вместе поплывут.
Но не уйти от жуткой тени.
Она ползёт. Сгустился мрак.
И только не смолкает пеньё,
Гимн безграничного терпенья, –
И было так... И будет так.
А впрочем, что мне сердце гложет?
Уймьтесь, мысли-палачи.
Ещё и не такое может
Вдруг померещиться в ночи.

Должно быть, это всё от стука,
Уж так в дороге повелось,
Что навевает песня скуку,
Тоску наводит стук колёс...
К утру, не разобрав постелей,
Уснут соседи пьяным сном,
И лишь пришибленные ели
Маячить будут за окном.

Слово

В начале было Слово...
Евангелие от Иоанна

Стёртой монетой упало слово,
А я хочу поднять его снова,
Чтоб все увидали блеск металла, —
Для этого жизни должно быть мало.
Родилось слово, как правда голо.
Оно трепетало, как в небе голубь.
И шли за ним на смерть и на голод.
Звучало слово в сердечном стуке
И вдруг попало убийце в руки.
Там, где орудовал вор кастетом,
Его находили по всем приметам.
Оно прикрывало хватку воровью,
Себя покрывало грязью и кровью.
И вор по свету пустил фальшивку,
Из слов похожих скроив подшивку,
Была подхвачена мысль ханжами
Издать миллионными тиражами,
И слово трепали в богатых дачах,
В дешёвых радиопередачах,
И слово твердили в речах елейных,
Повседневных и юбилейных.
И слово жирело и разбухало,
Осточертело всем... и упало.
Стёртой монетой упало слово,
Кому, как не нам, поднять его снова.

* * *

Примета времени – молчанье,
Могучих рек земли мельчанье,
Ночей крошечных пустота
И дел сердечных простота.
Как обесценены слова...
Когда-то громкие звучанья
Не выдержали развенчанья.
Примета времени – молчанье.
Примета времени – молчанье.
Предпраздничная кутерьма...
Ноябрьский ветер, злой и хлётский,
Бесчинствует на перекрёстке.
Стоят такси, оцепенев,
И не мигают светофоры,
По главной улице в стране
Проходят бронетранспортёры.
Проходят танки по Москве,
И только стёкол дребезжанье.
Прохожий ёжится в тоске.
Примета времени – молчанье.
Мысль бьётся рыбою об лёд
И впрямь, и вкривь, в обход, в облёт.
И что ж – живой воды журчанье
Сковало льдом повсюду сплошь.
Мысль изреченная есть ложь.
Примета времени – молчанье.

Солдатская муза

Хотел я музу приучить
К безропотной судьбе,
Я заставлял её носить
Солдатское хэбэ,
Гнал с автоматом на весу
На штурмовую полосу
И по-старшински, браво
Я говорил ей: муза, б...!
Держи равненье, ногу взять!
Коси глазами вправо!
Я говорил ей: не зевай,
Я говорил ей: запевай,
Не штатскую холёную,
Солдатскую солёную,
Чтоб за душу брала:
— Маруся, раз-два-три, калина!
Вэсэлая дивчина
В саду ягоды рвала...
Но с музы лил ручьями пот,
И в страхе и тоске
Бедняжка открывала рот,
Как рыба на песке.

* * *

Змеящаяся зависть
Во мне обнажена.
— Какой же ты мерзавец! —
Сказала мне жена.
Какой же я мерзавец,
Действительно, какой?
Не гений, не красавец,
Не очень молодой.

* * *

Дети мои сирые,
Горькие, кровные,
На бумаге серой
Строчки неровные.
Вольные, рисковые,
Забыты, заброшены,
В ящики сосновые
Заживо положены.
В школах не разучены,
С полок не расхвачены...
Руки вам закручены,
Рты законопачены.
Ящики угрюмые
С крепкими замками...
Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами.

Побег

Мне сто дорог ещё изведать,
Сто раз сжигать себя дотла,
А жизнь твердит – пора обедать,
Пора устраивать дела.
Я покажу ей волчий норов,
Несостоятельный должник,
От всех моральных договоров
Расписки зашвырну в нужник!
И всё оставлю нерешённым,
Схвачусь за поручень рывком,
С последним бешеным вагоном
Умчусь кровавым огоньком.
И будет ночь зевать от скуки,
Кряхтеть и охать в пустоту,
Швырять ветра на виадук
И рвать подола на мосту.

1960-е

Взад-вперёд, взад-вперёд,
Вверх и вниз по эскалатору
Чинно движется народ,
Свергнувший эксплуататоров.

* * *

Не вижу смысла в фарте я,
В удаче много ль проку?
Я партию за партией
Проигрываю року.
Рок смотрит на меня, форся,
С победною усмешкой,
А я дарю ему ферзя
И проходную пешку.
И рок победно щерит рот.
О, как же он наивен,
Не понимает, что живёт
Подачками моими.

* * *

Сегодня догорел закат,
С ним молодость моя сгорела,
И улыбаться невпопад
Мне вдруг смертельно надоело.
И без особенных причин,
Как в дни большого расставанья,
Несбывшегося палачи
Пришли ко мне – воспоминанья.
И захотелось теплоты,
Но так уж повелось от века,
Меня не любят я и ты –
Два самых близких человека.

* * *

Жизнь приходит с утра
И меня беззастенчиво будит –
Жить пора, жить пора,
Справедливости нет и не будет!
И толкает меня, и идёт вслед за мной конвоиром,
И могу только я – ей в насмешку – смеяться над миром.
Эй вы, люди, зачем вы поверили в эту отраву –
В этот мир, и деревья его, и растенья, и травы,
Из-под самых колёс, где кромсает, и давит, и мелет...
Где взять слёз, чтобы верить всерьёз, –
Да, наверно, никто и не верит.

Всеобщее братство

В. Ошерову

На леса и на пашни
Века лёг силуэт,
Словно Эйфеля башни
Обнажённый скелет.
Всё ясней и заметней
Этот век без прикрас,
Век двадцатый, последний
Не для всех, так для нас.
Глас архангела медный,
Всё война да война,
Даже душам бессмертным
Половине хана.
И ни счастья, ни риска,
Не играть, не дурить,
Серым волком не рыскать
И орлом не парить.
Всем не сдавшим экзамен —
Амен. Солнц горячей
Очищающий пламень
Плавильных печей.
Но из ада плавильни
Перед тем, как навек,
Что же крикнуть вам, сильным,
Уходящим наверх?
Пётр играет ключами,
Отворяет врата —
Пусть останется с вами
Наших рук теплота.

Колдун

...Изумился колдун, видя, что он заехал
совсем в другую сторону... Не зная, что
делать, поворотил он коня снова назад,
но чувствует снова, что едет в противную
сторону и всё вперёд...

Н. В. Гоголь. «Страшная месть»

С тяжёлым взглядом колдуна
За кружкой кружку пью до дна.
Колдун сегодня запил –
У колдуна любимой нет
И дела нет. И жуткий ветер
Несёт его на Запад.

Дома стандартной красоты,
И телевизоров кресты,
И алкогольный запах.
И надо б мне бежать туда,
Где тает низкая звезда,
А я бегу на Запад.

Стоит, как шиш, на пустыре
Дом, где сгорело, как в костре,
Всё, что я нажил за год.
Я от тоски сажусь в такси
И на Восток гоню такси –
Такси идёт на Запад.

О, как мне страх преодолеть?
Чьим телом мне себя согреть?
Та спать со мной не хочет,

Та отдаётся мне спроста,
Но кажется, что та и та
Лишь надо мной хохочет.

В глаза мне древний старец лжёт,
И конь, оскаля зубы, ржёт,
И от душевных тягот
Я на Восток гоню коня,
А конь не слушает меня,
Несёт меня на Запад.

На двадцать первое августа 1968 года

Я добегу туда в тревоге
И молча стану,
И мать в канаве у дороги
Увижу пьяной.
Её глаза увижу злые,
Лицо чужое
И космы редкие, седые
Платком прикрою.
Услышу запах перегара
И алкоголя.
И помогу подняться старой –
Пойдём-ка, что ли...
И мать потащится за мною
Мостком дощатым,
Хрипя и брызгая слюною,
Ругаясь матом.
Мне трудно будет с нею, пьяной,
Тупой и дикой,
И проходящие все станут
В нас пальцем тыкать.
А мне, мальчишке, словно камень
Позор сыновний,
Как будто в этом страшном сраме
Я сам виновен,
Как будто по уши измаран
В чужой блевоте.
Измаран, что ж... Ещё мне мало,
Я – плоть от плоти!

И, удержать рыдания силясь,
Я тихо плачу.
О, пусть скорей глаза мне выест
Мой стыд ребячий.
И я тяну её упрямо,
От слёз слабея,
Хочу ей крикнуть:
— Опомнись, мама! —
Да не умею.

Реминисценции

1

– Всё равно, –
Говорит изменивший себе Сирано.
Предрекает печальный исход
Дон Кихот,
Рыцарь, прежде не ведавший страха.
– Видно, ждёт нас тюрьма или плаха!
– Лучше плаха. Страшнее тюрьма, –
Шепчет Мышкин и сходит с ума.
И звучит полуночный звонок,
И сажают друзей в воронок,
И любезнейший Чичиков в нём
За рулём.
Пал Иваныч. Ведь эдакой плут!
Он им руки трясёт, как знакомым.
Через тридцать минут
Всех троих по приказу наркома
Расстреляют. И в этот же миг
Имена их исчезнут из книг.
Из хранилищ и библиотек,
Указателей и картотек
На все годы и все времена
Исключаются их имена.
Наш потомок захочет прочесть –
Милосердие, мужество, честь.
Но увидит во всех словарях –
Раболепство, предательство, страх.
Прозвучал полуночный звонок,
Совершился великий подлог.

И никто не узнает про это –
Гладь да тишь.
Чёрный ворон, куда же ты мчишь?
Дай ответ. Нет ответа.

2

Каким заклятиям подвержена,
Ты в мёртвый сон погружена.
Как вышло, что колдун поверженный
Тобою властвует, жена?
Что плёл тебе он, чем опутывал,
Какие муки ты снесла?
Что всё лежишь и спишь, покудова
Не ведая добра и зла.
Не слышишь, что настали сумерки,
Что время подлой той возне,
Что подползают братья-умники
Неотвратимо, как во сне.
И милому, в бою уставшему,
Срубаят голову мечом
Два старших брата брату младшему,
Не ведавшему ни о чём.
Они его в чащобу бросили,
Следы убийства замели
И, спящую, простоволосую,
Тебя с собою увезли.
В дремотной мгле рассвет не близится
И разгорается чуть-чуть,
А эти двое тщатся, пыжатся,
Себя бьют кулаками в грудь.
Им рукоплещут, как спасителям,
Им верят и кричат: ура!

А ты всё спишь тем сном мучительным,
Ни зла не помня, ни добра.
И, поперёк седла положена,
Всё так же мертвенно бледна,
Молчишь, как прежде, заморожена
Бесстыдным словом колдуна.

* * *

А. И. Солженицыну

Ищу повсюду честь России,
Зову к ответу,
Приходит горечь и бессилье,
А чести нету.
Неужто мы её спалили,
Как мышь в соломе,
В какой тюрьме её растлили,
В каком содоме?
За Чёрной речкою, за лесом
В года глухие
Убил заезжий хлыщ, повеса
Любовь России.
Ему легко стрелялось, гаду,
Он был французом,
А этим, нашим, только надо
Жратвы от пуза.
За Чёрной речкою, за лесом
Ледок холодный.
Словесность русская в дантесы
Идёт повзводно.
За Чёрной речкою парадом —
Равняйся, направо!
И залп за залпом в нашу радость
И в нашу славу.

Осеннее

1

Листья падают, не дышат
И лежат как изваянья.
Их трепещущие души
Ожидают покаянья.

Я гляжу на листьев пятна,
Мысль бесплотна и пуста.
Словно сам я аккуратный
Слепок, сделанный с листа.

А деревья в летаргии
И полны такою негой,
Словно ветви их нагие
Превратились в бронхи неба.

И течёт из синей чаши
Вниз по веткам мягкий свет,
И до листьев тех опавших
Им, деревьям, дела нет.

Тихо, крадучись по-лисьи,
Ветер рыщет по лесам,
Поднимает души листьев
И уносит к небесам.

2

Где небо усохло, а после промокло,
Скрипит по краям и не входит в пазы,
В холодную сырость впечаталась охра
И солнце топорщится в рыбий пузырь.
А сочное солнце зелёного света
Вдруг кануло в Лету. Всё сделалось вдруг
Кирпичного цвета, и медного цвета,
И чёрного цвета обугленных труб.
Мы все погорельцы большого пожара,
Мы все покорились всеобщему злу.
На наших плечах только след от загара,
А листья уже превратились в золу.

Девятое мая 1945 года

У Александровского сада
Толпа росла, как снежный ком,
И, обгоняя нашу радость,
Мы шли не шагом, а бегом.
Мы рядом с ней неслись вприпрыжку
С душой открытой налегке,
И каждый был из нас мальчишкой
И нёс воробушка в руке.
И каждый знал такое слово,
Где и пароль был, и ответ,
И встречным я кричал: здорово!
И отвечали мне: привет!
Сливались, расплывались лица
От слёз, от счастья — всё равно.
И не было чужих и близких,
Теперь мы были все — одно.
И радость разом подымала
Всю площадь на одном крыле,
И на мгновение не стало,
Не стало горя на земле.
От Спасской башни шли машины.
Но им мешал заслон людей,
Мальчишки, облепив кабины,
Пытались разглядеть вождей.
Военным не было прохода,
Теперь их брали в плен свои.
Впервые за четыре года
Их ждали мирные бои.

На зазевавшихся, как смерчи,
Мы налетали невзначай
И, обнимая их за плечи,
Кричали бешено: качай!
Вдруг сзади кто-то охнул глухо:
На землю повалясь ничком,
Тряслась и дёргалась старуха,
И о брусчатку билась лбом,
И женщинам, её державшим,
Всё повторяла, как спьяна:
— Гуляйте все, сыночкам вашим
Теперь амнистия дана!
И что-то в горле надломилось,
И сам кивал я головой,
Глядя на то, как билась, билась
Она о камни мостовой.
Толпа несла меня к Манежу.
Я потерял её из глаз,
А первый мирный вечер брезжил
И тихо наступал на нас.
Повсюду начинались танцы,
Народ гудел, как на толку,
И пьяные американцы
Швыряли доллары в толпу.

Багульник

Январь прошёлся королём,
И город замер,
И мы затворниками в нём
Тюремных камер.
Но как насмешник королей,
Как богохульник,
У нас в бутылке на столе
Расцвёл багульник.
Наперекор календарю,
Как будто летом,
Расцвёл в насмешку январю
Лиловым цветом.
И утверждает видом всем,
Весёлым глазом,
Что не был сломан он никем,
Верёвкой связан.
Что он живой! Что он плевал
На все прилавки,
Что незнаком ему подвал
Цветочной лавки;
Что не был заперт на крючок
Он в том подвале
И что его за рупь пучок
Не продавали.

* * *

Подарить тебе апрель —
Талый снег, ручьи, мокрель —
Месяц радости твоей,
Где смешны зимы угрозы
И опутаны берёзы
Сетью тонкою ветвей.
Где отсутствуют листочки,
Их в помине даже нет,
Только лопаются почки
И зелёный брезжит свет.
Отряхни свои заботы,
Я вплету тебе в венок
Одуванчик желторотый —
Детства вольного цветок.
Где дубрав тенистых шум,
Белоснежный ландыш светел —
Целомудренный свидетель
Гордых отроческих дум.
Там, где нежность, нега, лень,
Там, где юность, — ближе к маю, —
Я в окно тебе бросаю
Ливня пленницу — сирень.
В август, самый сенокос,
Я приду с букетом роз.
Запах сена, скрип телег...
Розы пламенного цвета —
В них и страсть, и зрелость лета,
И слиянье бурных рек.

Это образ благородный
Завершения трудов,
Ожидания плодов.
А придёт ноябрь холодный,
Ляжет наземь белый пласт,
В день унылый и прощальный
Принесу осенних астр –
Символ мудрости печальной.

* * *

О, может быть, на миг всего,
На самый краткий миг
Из тьмы, где нету ничего,
Тончайший луч возник.
И на одном его конце
Зажглась звезда моя.
А на другом конце повис
Противовесом я.
И долго ждать, недолго ждать,
Я всё чего-то жду.
И жаль мне нитку оборвать
И уронить звезду.

1970-е

А всё пространство для полёта —
Четыре лестничных пролёта.
Стоишь, согнувшись, на краю.
Шагнул — и ты уже в раю.

Хиросима

Я был поэтом Хиросимы,
Не той далёкой Хиросимы,
А нашей собственной родимой,
Что запалили на Руси мы.
Я видел облак грибовидный
Не над Гоморрой и Содомом,
А над моей краиной ридной,
А у себя в саду за домом.
Простёрся он кромешным адом
Над отчим кровом, тихим садом,
Не над неведомой чужбиной,
А над берёзкой и рябиной.
Куда себя от взрыва денешь?
И, как и все, бежал в толпе я.
И это был последний день наш,
А не последний день Помпеи.
Я был как все, не мог иначе,
Раздавлен тяжестью сомнений,
Цепной реакцией охвачен
Убийств, предательств и растлений.
И я бродил по пепелищу,
И язвы обнажал такие,
И выродков встречал почище
Мутантов острова Бикини.
Когда же становилось душно
От душ, разорванных на части,
Я думал лишь о том, что нужно
Кричать о совести, о чести.
И я кричал, и лез из кожи,
И повторял одно и то же

Про этот взрыв невыносимый:
Я был поэтом Хиросимы.
Но облучённые калеки,
Каких-то чувств лишась навеки,
Могли в разверзшееся небо
Смотреть без ужаса и гнева.
Они не чувствовали боли,
Не слышали мой вопль, толкуя
Всё о хоккее и футболе.
И мог ли я переупрямить
Тех, кто давно утратил память?
Они, от хохота икая,
Мне возражали: «Честь? Какая?
Что означает это слово?
Сейчас не времена Толстого».
Лишь некто, сохранивший опыт,
Кто смутно помнил о потере,
Внезапно перейдя на шёпот,
Мне говорил, прикрывши двери:
«Врачи врачуют прокажённых.
Покойников увозят дроги,
На тех зловещих полигонах
Песком присыпаны дороги.
И не был ли сам взрыв тот мнимым?
И так ли уж чреват он горем?
Ведь не в России Хиросима,
А где-то далеко за морем».
Они забыли, всё забыли,
Пирамидоном боль запили,
Настроились на лад игривый.
Зачем же я, тоской гонимый,
Всё повторяю им о взрыве?
Я был поэтом... был поэтом...
Вчера... во вторник... прошлым летом...

Какое-то забыл я слово,
И мне его не вспомнить снова.
Я глухну, не воспринимаю
Боль женщины и боль мужчины
И сам уже не понимаю,
В чём глухоты моей причина...

* * *

Зелена гора,
Что стоишь одна?
Ты хлебни с горла
Зелена вина.
Чем стоять одной, зеленой,
Ты бы стала, гора, моей женой.
Разве я, гора, не пара тебе?
У меня ли не горб на горбе?
Я жизнь свою просвистал.
Куда хотел – не летал,
Мой час настал – пропустил,
У Бога куска не просил.

* * *

Мы как-то раз брели со студии
Промозглой ночью февраля,
И я твердил двум милым людям
Про то, как хороша земля.
Деревья серебрились инеем,
Сосульки нависали с крыш,
И месяц над трамвайной линией
Был ослепителен и рыж.
Сам воздух стал средою колкою,
И было слышно, как звенит.
Вселенная сверкала ёлкою,
Врезаясь маковкой в зенит.
И, глядя в неба необъятие,
Надетое на ось времён,
В тот миг мы трое стали братьями,
Но я не помню их имён.

* * *

В. Голованову

Какая всё же скука
Быть взрослыми людьми,
Давай любить друг друга,
Чтоб сделаться детьми.
Ты будешь жить на свете,
Хлебая киселя,
Безжалостный, как дети,
И женщин веселя.
А я, служа восторгу,
Что так нам по плечу,
К любимому Востоку
Как тучка полечу.
И, став как тучка тучен,
Недвижим и нескор,
Увижу сверху кручи
Знакомых синих гор,
Скользя среди туманных
И странных наших душ,
Слагая беспрестанно
Божественную чушь.
Ты будешь жить на свете,
И жить, и поживать,
Я ж буду тучки эти
Встречать и провожать.
Бесформенные груды,
Туманные шары,
Летающие отсюда
В далёкие миры.

Потом и я исчезну
Под самой верхотой,
Потом я стану бездной
И стану духотой,
И ты зайдёшь в пивную
Укрыться от жары,
И там тебе шепну я,
Что всё хухры-мухры!

Телефонный разговор Пастернака со Сталиным

«Мы друга в беде не бросим,
И ты за него борись.
Вот так!» — говорил Иосиф.
«Да, но...» — возразил Борис.
«Живот положить за друга —
Прекрасней поступка нет.
А участь живого трупа...»
«Да, но... — возразил поэт. —
Товарищ скорей по цеху,
А это не то, что друг».
«Испуг, — отвечал со смехом
Диктатор, — всегда испуг!»
«Да, но... от событий грозных
Тень ляжет на вас со мной.
Нам надо, пока не поздно,
Про вечность...» — Гудки, отбой.
Диктатор при этом слове
Почувствовал вдруг озноб
И свой увидал в сосновых
Венках и знамёнах гроб.
Себя ощутил как камень,
Летающий стремглав. Да, но
Летающий стремглав веками,
Всё падающий на дно.

* * *

Пока цепляешься за сонм
Шутейных дел, пока блажится,
Реальность, драпируясь сном,
Бессовестно не обнажится.
И ты блажной, и все блажны,
И важен пьяный трёп без связи,
И чётко не обнажены
Несуществующие связи.
Но обнажатся в тот момент,
Когда, в сердцах воскликнув: Боже! —
Не в силах удержать предмет,
Застынешь ты в нелепой позе.
И станет ясен твой расклад:
Быть сразу в роли истукана,
А также в роли со стола
На пол летящего стакана!

* * *

Уже мне реки те видны
С их неземной голубизной.
Три молчаливые жены
Прядут и путь решают мой.
О, пряжи вещие судьбы,
Ведь я у берега реки –
А воды Стикса голубы,
А воды Леты глубоки.
А дни уплыли, как лини,
Как стая резвая линей...
Скажите, пряжи, где они,
Мои шестнадцать тысяч дней?
Где кровь моя, где мозг, где мощь, –
Спрошу божественных я прях, –
Как будто я играл всю ночь
И проигрался в пух и прах.
Что сделал я, что натворил?
Я проиграл, что только мог,
Я проигрался, как Андрий,
Как Достоевского игрок.
Как я успел, когда и где...
Шестнадцать тысяч в ночь одну!
О, дайте на кон бросить день,
И я их всех назад верну!
И оправдаю жизнь и страсть
И то, зачем я был зачат...
А пряжи продолжают пряхь,
А пряжи вещие молчат...

О, дайте мне ещё хоть раз
Сыграть и миг игры продлить...
Прядут, не подымая глаз,
И перекусывают нить.

* * *

Пойдём, исполнены смиренья,
Туда, где осень сено косит,
Где дева с детской свирелью
Слова безмолвно произносит.
Слова, как «даждь нам днесь», простые,
Как хлеба вкус и запах сада,
Слова, к которым мы остыли,
А их-то нам с тобой и надо.
А звуки те, что нас манили,
И те, которым мы внимали,
Подобны играм беса или
Напевам демона Тамаре.

Два стихотворения под одним эпитафием

...Назначь мне свиданье
на этом свете...

М. С. Петровых

1

Зачем мы так её торопим,
Зачем в обыденности топим,
Зачем зовём её, маня,
При суете и треске дня?
Зажатые, как шпроты в банке,
Мы назначаем ей свиданки
В подземных капищах метро.
По телефонам-автоматам,
Переменяя нежность с матом,
Судачим про неё хитро.
И образ, что почти невидим,
Так долго мы в упор не видим,
И, наконец её узря,
Мы так несдержанны — и зря.
Сестра той страсти идеальной,
Которой учит Кришна-джи,
Она рождается в тиши,
Когда становится тотальной
Сосредоточенность души.

2

Зачем ты от меня ушла?
Ты, с синими очами,
Та, что в венке из васильков
Или ромашек луговых
Ходила на свиданье к Петровых.
Откликнись, отзовись!
Мне без тебя так скучно,
Так плоско,
Так бесперспективно жить.
Дай знак,
Не ты ли притаилась там, в тени,
Там, в глубине куста
Сирени Врубелевой?

* * *

Никакого тут нету запрета
И не скрыто от нас ничего.
Ты давно уже знаешь всё это,
Лишь морочишь себя самого.
Отодвинуть достаточно ставню,
Чтобы даль увидеть за окном.
Скоро станет предчувствие явью,
Завтра станет сегодняшним днём.
Неожиданность не постучится,
Как внезапно явившийся враг;
Всё, что ты ожидаешь, случится.
И случится всё именно так.

* * *

Бессмысленно писать стихи,
Напиться не даёт изжога,
А прежние мои грехи
Мне не дают поверить в Бога.
Из всех любимых мной чудес
Остался только зимний лес.
Лес был всегда таким богатым.
Но, чистоту свою храня,
Не хочет лес принять меня,
Меня признать не хочет братом.
Среди заснеженных полян
И сосен, погружённых в думы,
Я, как еврей среди славян,
Встречаю в спину взгляд угрюмый.
А может, никакой не взгляд,
А просто я от стужи стыну,
А просто я продрог до пят,
А просто ветер дует в спину.

* * *

Любили русские князья
Друг друга драть за волосы,
Когда татарский хан на них
Валил ордою:
Топтали старцы молодых,
А те юнцы отцов — под дых!
Пока не разливали их
Водою.
А после думали с тоской:
Из-за чего был спор такой?
И передрались мы, какой
Опившись дряни?
И почему Господь наш плох
И добр к своим татарский бог,
А мы без глаз, без рук, без ног
Гниём в Казани.
И эта блажь у нас в крови:
Нам любо увидеть в крови
Отца и брата,
Чтобы очнуться на колу
И пить кипящую смолу
У супостата.

* * *

Он ищет читателя, ищет
Сквозь толщу столетий, и вот –
Один сумасшедший – напишет,
Другой сумасшедший – прочтёт.
Сквозь сотни веков, через тыщи,
А может, всего через год –
Один сумасшедший – напишет,
Другой сумасшедший – прочтёт.
Ты скажешь: «Он нужен народу...»
Помилуй, какой там народ?
Всего одному лишь уроду
Он нужен, который прочтёт.
И сразу окажется лишним –
Овация, слава, почёт...
Один сумасшедший – напишет,
Другой сумасшедший – прочтёт.

1980-е

Вчера на Волгу съездил, в Конаково,
Чтобы встречать со спиннингом рассвет,
И карася поймал там вот такого —
Карась в России больше, чем поэт!

Песня скорбных душой

Ю. Кувалдину

Что они делают со мною! Они льют
мне на голову холодную воду.

...С одной стороны море, с другой
Италия: вон и русские избы виднеют.

Н. В. Гоголь

Нас свезли в Строгино или Мневники,
В типовые вселили дома,
И живут в тех домах шизофреники
И не знают, что сходят с ума.

Неизвестно, как это случается,
Вдруг случается, нас не спрося.
С тем случается, с этим случается,
И безумеет нация вся.

Колдуном наши души похищены,
Заморожены в первом кругу,
Может, все мы в России Поприщины,
Да о том никому ни гугу.

Наша совесть снегами завалена,
На три метра промёрзла во льду,
А квитанция в сейфе у Сталина,
А сам Сталин с тем сейфом в аду.

Нам надели халатики серые,
Завязали узлом рукава,

И мы сами не знаем, что делаем,
И не те повторяем слова.

А под окнами ходит униженно
Мать Россия с котомкой своей,
Чтоб на нас посмотреть, на остриженных,
На убогих своих сыновей.

Пожалей ты детей неутешенных!
Что ж они нам вздохнуть не дают!
И лапшу всё нам на уши вешают
И всё воду на голову льют!

Где ж ты, где ж ты, полоска бетонная?
Где ж ты, линия взлётных огней?
Где ж ты, тёмная ночка бездомная?
Где ж ты, резвая тройка коней?

В небе снежное месиво месится
Над простором российских полян.
Черти прятки затеяли с месяцем.
Под ногами клубится туман.

Мы летим над родной аномалией,
Где магнитная скрыта руда.
Нам бы с этого света подалее,
Чтоб его не видеть никогда!

Вот выносят нас кони заветные
Прямо к морю, и в блеске луны
Сосны тёмные, рыла ракетные
И Италия с той стороны.

Ходят по морю волны, как пленники,
Бьют о берег, и всюду одно:
И у нас, и в Италии – Мневники
И с обеих сторон Строгино.

О переменной погоде в Москве зимой 1982 года

В Москве обыкновенной, серой,
В промозглый день в стене замшелой
Четыре яркие огня.

Я под стеной стою и мокну,
Но ровно-ровно светят окна,
Как буква «Г», как ход коня.
И город с нежитью и нетью
Вдруг накрывают белой сетью
И прекращает дождик лить.
И вот уже в оконном свете
Мелькают узелки той сети
И начинается снег валить.
А может, то маляр весёлый,
Чтоб пошутить над новосёлом,
Затеял двор ему белить.
И по листве гнилой и прелой
Легко проводит кистью белой,
Кладёт за слоем новый слой,
По лужам и по сточным ямам,
По грязи, мусору и сраму
И просто по земле сырой.

Вертится снежной кисти помело,
Маляр весёлый краски не жалеет,
И вот, как в детстве, всё белым-бело,
И в горле ком, и сердце молодеет.
Как будто сам я в свежих простынях,
Негнущихся, хрустящих от крахмала,

И по снежку охота сделать шаг.
И побежать, и всё начать сначала.

Мне чёрт не брат, и я с ним не знаком,
И в эту ночь на счастье нет запрета,
Сквозь чистый снег из четырёх окон
В меня текут четыре ровных света.
Я счастлив тем, что, находясь на дне
Бессмысленной и злой каменоломни,
Не помню боли, причинённой мне,
И зла, мне причинённого, не помню.
Что я бояться смерти перестал,
Сплю как ребёнок и во сне летаю,
И то, что в детстве правильным считал,
То и сегодня правильным считаю.
Кого хочу, того и полюблю,
Найду судьбу в соседнем переулке,
С приятелем пол-литра раздавлю
Или с любимой поиграю в жмурки.

* * *

Бог создал для себя природу...
А. С. Пушкин

1

Уснуло всё, уснуло всё на свете —
Вода в пруду, осока, куст раquit.
Уснул в листве запутавшийся ветер
И как русалка на ветвях сидит.
И, словно им неведомо смятенье,
Деревья льют заметный глазу свет,
Покой и робость, веру и смиренность,
Чего у нас давно в помине нет.
Ты посмотри, лесная спит прохлада,
Она лежит и дышит глубоко.
И нам ступать поосторожней надо,
Чтоб не уйти по пояс в молоко.
Чтоб этот мир, таинственный и сонный,
Не оглушить и не внести разброд
Волной дурного городского звона,
Который нам покоя не даёт.

2

Ты выйдешь в лес с рассветом ранним,
И лес в предутренней тиши
Тебе покажется туманным
И странным зеркалом души.
Души, где места нет смятенью,
В которой всё покой и свет,

Покорность, робость и смиренность,
Чего у нас в помине нет.
Осины робкие и ели,
К ручью склонённая лоза
Как бы в себе запечатлели
Безмерной нежности глаза.
Быть может, вот по этой гати
Или у этого куста
Однажды проходила Мать,
Шла Володимирская, та...
С тревожной думою о Сыне,
Лицо упрятавшая в плат,
Она на ели и осины
Порой бросала быстрый взгляд.

Виридиана

Блажь, обернувшаяся злом,
Страшнее умысла злодеев.
Виридиана вводит в дом
Хмырей, ханыг и прохиндеев.
Кровосмешение. Содом.
Срамница вульву обнажает.
Шут мудреца изображает.
И прокажённый смрадным ртом
Хватает кость, подобно зверю,
И лёгким кружевом фаты,
Прикрыв лохмотья нищеты,
Смешит бесстыдную вечерю.
И топчет свадебный наряд,
В который столько лет подряд
Вперял хозяин взгляд туманный,
И примерял с улыбкой странной,
И прятал, от людей таясь...
А между тем пирует мразь,
И при мерцающих свечах
На драгоценных скатертях
Лежат обглоданные кости
И пятна тёмные вина.
И есть ли в этом их вина,
Навряд ли разберутся гости.
А полоумный Дон-Кихот,
Не зная толком наперёд,
Чем может обернуться это
И что он, в сущности, творил,
Теперь в потомков взгляд вперил
И так глядит на них с портрета.

* * *

Водица пахнет тиной,
Землица пахнет серою,
А дни такие длинные,
Дожди такие серые.
Потеря равновесия
От полного безвкусия,
В душе моей – депрессия.
В мозгу моём – дискуссия.
И свесилась повинная
Башка моя дырявая,
Где с левой половиною
Упорно спорит правая.
Одна твердит: повесимся!
Другая: врѣшь, отравимся!
У Господа отметимся
И к дьяволу отправимся!
А левая – несмелая...
А правая – лукавая...
– Напѣмся? – спросит левая.
– Согласна! – скажет правая.

* * *

Шла женщина однажды по дороге,
Смотрели вниз скучающие боги —
Не знали боги, время как убить, —
И женщине той заголили ноги
И мне её велели полюбить.
Они играли нами и шутили,
Страсть разжигали, а потом тушили.
И умер я. И в землю был зарыт,
Узнавши всё, что знать мне надлежит.
А боги, сделав женщину старухой,
Играли с ней, как злые дети с мухой.
И слушали, как на стекле жужжит.

Гроза в Ялте

Гора была крепка, могуча.
До неба в снежном серебре.
А на горе стояла туча,
Подобная другой горе.
Гора несла вторую гору,
В себе таившую грозу,
А склеенный, как улей, город
Лепился под горой внизу.
И с каменного пьедестала
Вторая сверзилась на град,
И дико молния блистала,
И ливень лил, и сыпал град.

Киев в три часа ночи

Цель – это средство для поэта,
А мы, не думая про это,
Забыв про всё – и то, и это,
Откроем двери на балкон,
Чтобы почувствовать безмолвье
Или присловье ни о ком,
Увидеть древнюю столицу,
Завёрнутую в снежный дым,
Чтобы вдохнуть, чтоб насладиться
Ещё мгновением одним,
Где Днепр, как меч, из ножен вынут,
Где лунный щит звенящ и льдист,
И город спящими покинут,
Свободен, одинок и чист.

Сыну

О, Петроград, советская Помпея,
Под пеплом похороненная вмиг,
Где на руины варвары gazeют
И топчут их, не различая их.

Ты возьмёшь лихача. Дашь на чай ему десять копеек.
Ты заедешь за мной, и мы будем с тобою катить
Вдоль Фонтанки и Мойки, как по улицам мёртвой Помпеи,
Где осталось всё так, как должно было, в сущности, быть.

* * *

Е. Рейну

Для чего-то взял транзистор,
И поехал на вокзал,
И конечно, опоздал...
Ни вагона, ни перрона.
Нет встречающей толпы,
Нет рабочих в униформе,
Нет затоптанной тропы
К недостроенной платформе.
Где-то здесь была стоянка.
Где-то здесь была цыганка,
Предлагала мне кольцо.
Под мостом, лицо в лицо,
Пара нежная стояла,
И она его лобзала.
Где влюблённая чета?
Нет огней дрожащих красных,
Нет любовников тех страстных,
Не осталось ни черта!
Поезд, видимо, ушёл...
Всё ушло... Ушли деревья...
Нет цыганки, нет колец.
Мир куда-то испарился,
Испарился, растворился
Всё закончилось — ...!
Только я да этот ящик,
Только вечность в небеси
И из ящика хрипящий,
Злобный голос Би-Би-Си.

Христос и Его ученики

– Почувствовать своей чужую боль –
Вот моего ученья смысл и соль.
Мы отвечали: что ж тут не понять?
Он нервничал. Он начал нам пенять:
– Почто ж тогда, – он говорил в сердцах, –
Сии слова не пишете в сердцах?
Любите ближнего, как самого себя,
Пусть боль его покажется нелепой, неправильной...
Мы отвечали: проще репы пареной
Такой завет. Записывать? Зачем?
Возлюбим ближнего. Нет никаких проблем!
Он нервничал, он начал нам пенять:
– Пять тысяч лет пройдёт – вам не понять!

* * *

Кому-то с маслом каша,
Кому-то калачи,
А Марфа в поле пашет,
Шурует у печи.
И верю и правдой,
И баба и мужик,
Она тук-тук кувалдой,
Она косой вжик-вжик.
Придёт Восьмое марта,
Международный день,
Христос обнимет Марфу –
Дочь русских деревень –
И, подведя к налюю,
Чтоб видел весь народ,
Он ноги ей омоет
И слёзы ей утрёт.

* * *

Как сладко время одурачить,
Школярской следуя привычке,
И вдруг свидание назначить
Любезной пушкинской калмычке.
Нестись, трястись, спешить куда-то
И, перепутавши эпоху,
Ждать у разменных автоматов
Хрестоматийную дурёху.
И сердца чувствовать биенье,
Честя любезную заглазно,
И на прохожих мельтешенье
Смотреть рассеянно и праздно.
Глядеть на них, прибитых цепом,
И знать, что среди многих сотен
На randevу своём нелепом
Лишь я один так беззаботен.
Лишь я могу освободиться
И распрямиться, как пружина,
И волю чувствовать в столице
Тоталитарного режима.
Прощай, любезная бурятка,
Прощай до встречи предстоящей,
С тобою миловаться сладко,
А одурачить время – слаще.

* * *

Котёнок, сбитый автомобилистом,
И я, решивший – больше не снесу,
Мы вниз сошли по тропам каменистым
И очутились в сумрачном лесу.
На все четыре припадая с маху,
Котёнок полз, прерывисто дыша.
От смертного пережитого страха
Топорщилась звериная душа.
С любимым миром распротяться навеки,
Мы с ним не смели посмотреть назад.
Вокруг вздымались скалы, как в Нуреке,
Или, точнее, как пред входом в ад.
И думал я: спасибо, Господин,
Что ты послал мне существо живое...
Живое не живое – не один,
Живые не живые – всё ж нас двое!

* * *

Сосна летящая,
Ты носишь на щите
Изображенье солнца.
Могучий ствол
Слегка изогнут
И напряжён,
Подобно луку.
Упёрлась в небо,
Пробила скорлупу
И рвёшься дальше
Ввысь.
Галактики ветвей
И иглы звёзд.
Гигантский выброс
Из маленького семечка.
Застывшая волна,
Несущаяся ввысь.
Миллионы лет
Стоящая на стенде
Модель Большого взрыва.

Голицинская осень

Голицинская осень
Одета в жёлтый пояс,
В семнадцать сорок восемь
Встречала дачный поезд.
Голицинская осень
Гуляет между линий
И над собою носит
Огромный зонтик синий.
Вагоны вдоль перрона
Бегут со страшным гулом —
Румяную гулёну
Как будто ветром сдуло.
Ах, осень, что случилось,
Что вдруг с тобою сталось?
Ты в небе растворилась
Иль с поездом умчалась?
Метнулась к электричке,
Растаяла в толкучке...
Плывут, как три сестрички,
Три розовые тучки.
Три розовые рыбки
В аквариуме неба.
Охота встать на цыпки
И накрошить им хлеба.

* * *

Ну что ж, что пришлось так жестоко
И так безнадежно устать,
Пора пробиваться сквозь кокон,
Чтоб лёгкою бабочкой стать.
Лиловый, сиреневый, синий
Вонзаются в ухо и глаз
Той самой симфонией линий,
Что можно услышать лишь раз.
За камерой этого мира,
Что стала мне слишком тесна,
Со всё нарастающей силой
Цветёт и бушует весна.

Баба Лю

Г. Нерпиной

Баба Юля, баба Люля, баба Юль...
Луг. Покосы. Абрикосы. Сад. Июль.
Абрикосы на тарелочке делю:
Этот мне, а этот, круглый, бабе Лю.
Вот проходит за забором почтальон,
Что-то страшное в конверте прячет он.
Папа с мамой — у них большая власть —
Всё хотят меня у бабушки украсть.
Как бессовестная рыжая лиса,
Унесут меня за тёмные леса.
Папа с мамой сегодня мне враги,
Котик-братик, если слышишь, помоги.

Ангел

Я в красных трусиках, важный,
Леплю куличи из песка.
Песок прохладный и влажный
И пахнет, как пахнет река.
А на краю песочницы
Огромная стрекоза,
Это мой ангел-хранитель,
Из кусочков неба глаза.
Глядит на меня и плачет
И ни слова не говорит.
Я догадался сразу,
У ангела что-то болит.
Обнял его за колени,
Головой уткнулся в живот.
— Не плачь, — говорю я ангелу, —
До свадьбы всё заживёт!

* * *

Мне осталось чуть-чуть,
Кое-как дотащился до цели,
Где кончается путь,
Начинается жерло тоннеля.
Будет пение птиц,
И сирень будет пенно-лилова.
Среди милых мне лиц
Я увижу тебя, дорогого.
Скрипку вжавши в плечо,
Ты сыграешь чакону Витали.
Что там будет ещё,
Несущественно. Это детали.

1990-е

Я разминутся со временем,
Такой анекдот, господа, –
Я в правильном шёл направлении,
А время пошло не туда!

Впервые

Я утром проснулся, когда ещё спят,
И, вставши на ножки кривые,
Я вышел из дома и выбежал в сад,
И всё это было впервые.
Сирень зазывала: возьми меня, срежь!
И ноздри мои раздувала.
И воздух над нею был ярок и свеж,
Как после уже не бывало.
И свежей росой умывшийся мир
Шептал мне, что он меня любит.
А я и не знал, что подарен мне миг,
Которого больше не будет.

Сон

Жизнь моя вытекает по жиле,
Ножик сонную жилу рассёк.
– Долго жили, не тем дорожили, –
Говорит мне седой старичок.
Сердце бьётся всё легче и легче,
Кровь спадает и снова течёт.
Старичок мой бормочет и шепчет,
Наставляет, глаголет, речёт.
– Смертный сон никому не опасен,
Добрый сон... Самый крепкий из снов...
И таинственен так и неясен
Ускользающий смысл его слов.

Кто скачет, кто мчится

Знакомый ночной перекрёсток,
Стою я у Красных ворот,
Где ветер особенно хлёсток
И шарф мой настойчиво рвёт.
И в сердце усталом и хмуром
Рождается боль без причин,
Когда с нарастающим гулом
Подкатятся волны машин.
Сквозь мутное города чрево
Текут беспрерывно они,
Прносятся жёлтые слева
И красные справа огни.
Когда же поток иссякает
И лязг затихает и гром,
Москва наконец засыпает
Тяжёлым предутренним сном.
И в миг это время слоится
И слой наползает на слой,
И вдруг возникает, кто мчится
И скачет под хладною мглой.
Ездок запоздалый и скрытый
Летит мимо Красных ворот.
И конь по асфальтовым плитам
Копытом невидимым бьёт.
И мчатся для глаза незримо
Отец и испуганный сын
По улицам третьего Рима,
Средь кладбищ его и руин.
И лес безобразных строений
Встаёт на пути ездока –

Чащоба почище владений
И чудищ лесного царька.
Из тьмы выползают уродцы,
Упырь обнажает свой клык,
И долго в ночи раздаётся
Младенца несчастного крик.

* * *

Вот здесь, мы говорим уверенно,
Вот здесь сошлись два рукава.
До этих пор четыре берега,
От этих пор их только два.
Слиянье вод не схватишь взорами,
Двух разных вод в одной реке.
Сие есть действие, которому
Нет слова в русском языке.
Страсть узнают по очертаниям
Того, что есть вокруг неё,
По наслаждениям, страданиям,
Нанизанным на остриё,
Вневременное, изначальное,
Похожее на пустоту.
Не зря колечко обручальное
Внутри имеет пустоту.
И ночи в памяти стираются
Все те, что были и случились,
И навсегда запоминаются
Лишь те, которые не сбылись.

* * *

Живу, живу, тяну резину,
Лакаю спирт, потом жую
С похмелья мёрзлую рябину.
Дней от ночей не отличаю,
Не мыслю и не ощущаю
И, превращая секс в наркотик,
Твержу: ложись скорее, котик!
И в том, что я живу грешно,
Бессмысленно, пустопорожне,
Просить прощения – смешно,
Исправить дело – невозможно.

Время

Борису Владимировскому

Вот море тёмное, немое,
Урчит немое, камни моя,
То срочно скалы огибая,
То прочь устало убегая.

Поговорим с тобой о времени,
Ему назначено, однако,
В физической системе не
Иметь минусового знака.
Латинским бесом нарисовано
И задано идеей вражьей.
Я видел, как оно спрессовано
Под глыбами в памирском кряже.
До времени, пока не ожило
Для управленья миром, мило
Хранится в ящичках, уложено
В них, как хозяйственное мыло.
С ужасным «бременем» рифмуется,
Имеет дьявольский эпитет,
Взорвавшись, снова не спрессуется
В уютный параллелепипед.

Причина обгоняет следствие,
За хвост схватив его игриво.
Мы все здесь терпящие бедствие,
Последствия Большого взрыва.
Желтеют листики зелёные,
И вешняя вода спадает.
Мы мчимся, ветром унесённые,
Естественно спросить: куда я?

*Где вы, где вы, буфетные слоники
И в трусах по колено борцы?
Вся эпоха как кадр кинохроники,
Где гуляют одни мертвецы.*

Поговорим с тобой о времени,
Всё, что ни скажем, будет мимо.
Ты лучше как-нибудь соври мне,
Что время, мол, неощутимо,
Предмет ни взвесить, ни пощупать,
На завтрак с булочкой ни схрупать,
Нет запаха, нельзя измерить,
Попробуем в него не верить.
У синя моря в Партените
На берег сядем в голом виде,
Стихи любимые читая,
Считая за волной волну
И постепенно забывая,
Что мы у времени в плену.

* * *

Мы, россияне, так рассеянны –
Построив храм Христа, забыли
Офелию на дне бассейна.
Вот она ртом, как рыбка, воздух хватает
И кричит:
«Любви не хватает! Любви не хватает!»

Воскресение

Смотрел я на восход малиновый
И голову назад закидывал,
Такого сине-сине-синего
Ещё никто из вас не видывал.
Идёт толпа многомиллионная,
Идут себе и не толкаются,
И все до одного влюблённые,
И все друг другу улыбаются.
От встречного не надо пятиться,
Раз настроение весеннее.
Я говорю: сегодня пятница?
Мне отвечают: воскресение!

И вдруг я вижу, что у дверочки,
Ведущего в неясность входа
Стоят мои друзья и девочки
Из пятьдесят восьмого года.
Стоит Борис и Танька с Дашею,
С кем целовались мы и пили,
От времени не пострадавшие,
Такие в точности, как были.
Они смеются, корчат рожицы
И делают глазами знаки.
Башка в жару, и мне неможется,
Я думаю: всё бред и враки,
Но что-то мне сказать торопятся
Сюда пришедшие оттуда.
А сердце бьётся и колотится
И всё никак не верит чуду.

Персоналии

Пушкин

1

В тот год Россию просквозило,
В чертях был прежде недород,
Так бесов выпало в ту зиму
На полтораста лет вперёд.
Пока смеркалось над Россией
И выла вьюга над страной,
Иван Великий, рот разиня,
Храпел под снежной простынёй.
И в мутной мгле Россия тонет,
Лишь без дороги, наугад
Во чистом поле скачут кони
И колокольчики звенят.
То А. С. Пушкин мчит на тройке
Среди неведомых равнин.
Другой бы спал с красоткой в койке,
А он на тройке дин-дин-дин!
И покатались по равнине
Вслед за поэтом, как ежи,
Бес похоти и бес гордыни,
Бес суесловия и лжи.
Ну так и лезут вон из кожи,
В глаза швыряя липкий снег,
А в небе – рожи, рожи, рожи...
И вот одна, страшнее всех.
Лицо по-азиатски дико,
Прищурен глаз и череп лыс,

Скула широкая калмыка
И клинышком бородака вниз.
Чуть приоткрылась туч завеса,
И возникают чередой
Какой-то тип с лицом черкеса
И карла с чёрной бородой.
И детский голос среди ночи,
Сестрицу молит, просит брат –
Приплывь, приплывь на бережочек,
Меня зарезати хотят!*

Неясно лишь, что это значит,
Кто лысый и зачем черкес,
Неясно лишь – козлёнок плачет
Или заманивает бес.
Кружатся хари, тщатся хари
Остановить, перевернуть,
Но мимо тройка мчит лихая,
Особый ей назначен путь.
А он лишь свищет, погоняя,
Одним желанием горя,
Один Россию охраняя,
Как тридцать три богатыря.

2

Земля выбрасывала корни,
Его пытаюсь удержать, –
Пусть ляжет на диван из дёрна
И не захочет уезжать.

* В черновиках стихотворения «Бесы» можно найти строки, где Пушкин обращается к сказке об Алёнушке: «Что за звуки!.. аль бесёнок В люльке охает, больной; Или плачется козлёнок У котлов перед сестрой».

И он лежал, на солнце млея,
В берестяной рожок дудел,
Бродил по дедовским аллеям,
На Сороть милую глядел.
Смотрел на древних лип морщины,
Похожие на письма...
А где-то в питерских гостиных
О нём судачила шпана:
Стихи вторичны! Стиль хромает!
Он исписался и угас!
Фонтанами Бахчисарая
Поэт не очарует нас!
Он знал, что травят так, от скуки,
И думать не хотел про них.
Его влекли иные звуки,
Он в тайну времени проник,
И растворился в этих липах,
И обратил себя в покой,
Он там, в тени и солнца бликах,
В туманной дымке над рекой.
Смотритель выйдет ночью душной,
Захочет посидеть в саду
И только крикнет: «Пушкин! Пушкин!»
А он уже в ответ: «Иду!»

Хлебников

1

Жил-был поэт загадочный
С загадочной судьбой
И рукописи в наволочке
Таскал он за собой.

Он клал стихи под голову
Там, где растёт трава,
И, обращаясь к Господу,
Произносил слова:
*«Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты».*

Далёк от брани рыночной,
Он знал язык зверей,
По тоненькой былиночке
К нему полз муравей.
Кузнечик недоверчивый
В ладонь его влетал,
И муравью с кузнечиком
Он ласково шептал:
*«Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты».*

Он жизнью был замотан,
Его врубало лбом
То в маршевую роту,
То в сумасшедший дом.
А он был светл, как Пушкин,
Как неба окоём,
И, запертый в психушке,
Стоял всё на своём:
*«Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты».*

2. Слово о Вэ

Вихря взвизги, ветра вой,
Вихря ведьмино вещанье,
Ветра посвист воровской —
Кругового «вэ» вращенье.
Спор и свара двух повес,
Ветра с вихрем перебранка.
Небо застит туч навес.
Обезумевших небес
Раздувается вагранка.
В небе вспенилась вегжа*,
Хлещет молнии вожжа.
Воровская туч ватага.
Вихрю виться. Ветру выть.
Такова у неба выть** —
С туч вот-вот сорвётся влага.
Взбухший прорвало волдырь.
Ввинчен в землю водный штопор,
Завертелся и потопал
Ствол воды. Где поводырь
Озверевшего циклопа?
Вот он въётся, словно вьюн,
Безобразен, дик и юн.
Варвар ветрен. Варвар буен.
Ход его непредсказуем.
Винт, волчок, веретено —
На меня летит оно.
Убегаю от него я.
Небу данное землёю
Вновь земле возвращено.
Волн движенье круговое.

* Накипь.

** Участь, рок, судьба.

Арсений Тарковский

1

В том месте места нет для странствий,
Где есть граница.
И будешь ты в любом пространстве
Пленённой птицей.
Один на свете болезнью клетки
Затем ты болен,
Чтобы услышать и нам ответить —
Что там, на воле.
Затем, чтоб слышать те глаголы,
Те ритмы, звуки,
Что образуют горы, доли
И рек излуки.
Что образуют рек излуки
И наши души.
Затем, чтоб слушать эти звуки,
Затем, чтоб слушать.

2

Он жил среди неясных снов,
А может, грёз, а может, слов.
Слова нанизывал на нить
И словно чётками играл,
Вдруг разом расхотевши жить,
Ещё живой уйдя в астрал.
Но звуков произнести не мог
И потому все дни молчал.
Он наших суетных тревог
И нас самих не различал,

Младенческий уставя глаз
В тот мир, который не про нас.
Лишь раз в Матвеевском, весной,
В качалке сидя на крыльце,
Мгновенно изменясь в лице,
Спросил: что же делать?

Шпаликов

1

Перед кладбищенской конторой
Автобус, побуревший снег,
Бензина запах, треск мотора,
Гудки, венки, двадцатый век.
А за оградой небо птичье,
Старуха нищенка с клюкой,
И тихо. И за этой тишью
Уже нет времени. Покой.

2

Гены Шпаликова нету,
Он летает на пари
Между тем и этим светом,
Словно Сент-Экзюпери.
Там, где райские долины
Меж летеиских вод и сёл,
Бениславская Галина
Подаёт ему рассол.

И. Бродский

1. Из письма confidentке

Я не нашёл тобой любимых строк
Про мужеский с ветвей свисавший признак,
Но образ груш таился, подстерёг
И предо мною вдруг предстал, как призрак.
Твой Бродский гениальный графоман,
Он пишет быстро и ужасно длинно,
Порою с блеском и всегда невинно,
А впрочем, чёрт с ним, он терибль анфан.
У нас иные страсти и заботы,
А я вот утонул в его стихах.
Когда прочёл их, вспомнил о деньгах,
А денег нет, и лоб мой мокр от пота.

2. Ответ римскому другу

Целый день брожу по улицам, глаза.
В Риме осень. Всё мертво. Всё одичало.
Туча чёрная висит над Колизеем,
Неизвестно, что бы это означало.
Льётся дождик. Небо платит недоимку.
Жалко, льётся не на пашню, а на камень
В тех горбатых переулках, где в обнимку
Мертвецы твои стоят с особняками.
Помнишь дом, где мы не раз с тобой бывали?
На лужайке облысевшей травка вянет,
Не осталось даже праха от развалин,
А меня туда всё время что-то тянет.
В этом доме ты когда-то был счастливым,
И элегию читал о Джоне Донне,

И плоды жёлто-зелёные оливы
У хозяйки смуглолицей ел с ладони.
Где весёлая хозяйка? Где маслины?
Нам остался лишь пустырь за поворотом.
Безусловно, позади одни руины,
Но руины всё же лучше, чем пустоты.
Только женщине идёт непостоянство,
Мы же любим то, что в юности любили.
Кто придумал, что отечество — пространство?
Это мы с тобою родиною были.
Ты мне пишешь, чем в империи томиться,
Лучше жить в глухой провинции у галлов,
Только стоит ли с отъездом торопиться,
Ведь империи сто лет как не бывало.
Рухнул Рим, никто не помнит точной даты.
Вот и спорим и проводим параллели...
Всюду те же кровопийцы и солдаты,
Кровопийцы и ворюги, мой Валерий.
Лучше сам ты возвращайся, путь недолог.
Мы с женою заждались тебя в столице.
Неужели так уж важно въехать в город
На четвёрке в триумфальной колеснице?
Мимо каменной стены священной рощей,
Где стоят легионеры в карауле...
Мне-то кажется, на кухне нашей проще
О Назоне толковать и о Катулле.
Воск застывший на странице старой книги,
Гости, спящие вповалку где попало.
Всюду пепел, на полу огрызок фиги,
На столе вишнёвый обод от бокала.
А когда отмерит время Хронос гулкий,
Проводить тебя сумеет старый Постум.
Вместе выйдем на последнюю прогулку
И отправимся на твой любимый остров.

Из цикла «Разговорник»

Мальчик на дереве

На участке много дубов и вязов.
Книга, кажется, состоит из рассказов.
Героя рассказа звали Лютов.
Одно из деревьев достигло шестидесяти футов.
Очень важно следить за этим растением.
Оказалось, что садовник увлекается чтением.
Заметив, что садовник и сторож спят,
Мальчик незаметно прокрался в сад.
Он любил бананы, видимо, он хотел есть.
На дерево легко влезть, но трудно слезть.
Вы пришли полюбоваться на деревья в нашем саду?
Бобы созревают только в високосном году.
Мать ему кричала: «Вернись, вернись, мой сынок!»
Мальчик спуститься с дерева так и не смог.
Он понял, что время его истекло.
Наша фирма поставляет для парников листовое стекло.
Её сын был первым, кто развил эту совершенно новую идею.
Посмотрев на себя в зеркало, я понял, что я седею.

Маленькая касыда о Москве

Москва – порт пяти морей.
Эту песню исполняет Митье Марей.
Нынешней зимой москвичей ожидает голод.
Москва – очень чистый и красивый город.

Чудесное место для отдыха. Привлекает к себе парижан.
Мы приехали в Москву из-за рубежа.
Я, мой брат и его невеста.
Мы везли с собой пять мест багажа.
Расстояние от Бреста до Москвы равно расстоянию
От Москвы до Бреста.

Лексикон

Наш Гамлет непрерывно мямлит.
Слова, слова, слова, слова
Бегут вдоль улиц здесь ли, там ли
И даже в Темзы рукава,
Слова себя считают вправе
Занять четыреста дорог,
Мой плечи мощные расправил,
Плетётся *дядя* за *не мог...*
Вот мчится тройка удалая –
Покончить, умереть, забыть,
А лицемерная *вздыхая*
Трусит под ручку с *подносить*.
Достойно, чем-то недовольный,
Желает сам себя стереть
И выбирает путь окольный.
Уснуть – братишка *умереть*.
Офелия по стадиону
Бежит, как мода ей велит,
В бейсболке и трико зелёном,
В кроссовках и *в своих молит...*
Быть, крупный коммерсант из Сити,
Встал над толпой с открытым ртом.
– Аллё! – он закричал *не бытю*.
Не быть не слышит, он фантом.
Офелию завидел *дядя*,
С ним *честных, мой и почтовых*.
Тогда *Офелия* в досаде
Зовёт всех *помяни* своих.
Неисправимый задавака,
На помощь прибежал *вопрос*,

Тут слово за слово, всерьёз,
И началась большая драка.
Девчонка с *дядю*, как дети
Иль как Монтекки с Капулетти:
Пришла на выручку родня,
Пошла словесная резня.

* * *

М. Петровых

По пьянке, сдуру, в темноте
Я плохо различал детали.
Стучался в двери, но не в те,
И не попал в ту дверь, где ждали.
Наутро, протрезвев, чуть свет
Лечу туда, со сна всклокочен, —
Хозяйки нет, простыл и след,
И даже дом тот заколочен.
Я не уехал за рубеж
И не остался в Вашингтоне.
Упал. На огневой рубеж
Пришёл последним в биатлоне.
А за спиною чей-то смех
И сосен голубые тени,
И я, винтовку бросив в снег,
Бегу к простреленной мишени.
Спешу, сгорая от стыда,
Считать свои непопадания
И думаю, зачем тогда
Я не явился на свиданье.

Свобода

Памяти В. Хлебникова

Кто сказал: «Рабы не мы?»
Подневольные фонемы
За решёткою тюрьмы –
Мы, рабы, как прежде немые.
Вырви парус из снастей.
Развяжи несчастным руки.
Пусть бегут из крепостей
Словом скованные звуки.
Дай свободу звуку «У»!
И в неведении счастливом
«У» умчится в синеву,
Отливая черносливом.
Отпусти на волю «И»!
В нежной хвое, пышных кронах
Пусть себе резвится «И»,
Средь полей, полей зелёных.
Дай свободу звуку «И»!
Пусть звучит он как зевота,
И золотое «О» кати
В золочёные ворота.

* * *

Что я любил на свете —
Окошко распахнуть,
Смотреть в ночи, как светел
Над миром Млечный путь.
По хвойному по насту
Без цели напролом
Брести сквозь ельник частый
Под ситничным дождём.
Любил осенней ночью,
Захоронясь в стогу,
Природы многоточье —
Кукушкино ку-ку.
Промёрзшую рябину
Любил размять в руке,
Любил по серпантину
Кружить в грузовике.
Орать, стихи горланя
И не держась за борт,
Парить себе с орлами —
И никаких забот.
Чтобы хлестали ветки
Меня на вираже,
Чтоб запах моря едкий
Я чувствовал уже.
И значит, недалёко...
И выглянет сейчас
С туманной поволокой
Его огромный глаз.

Лорелея

С утра начинаю томиться,
Мне пить неохота и есть.
Лежу в соловьёвской больнице
В палате моей номер шесть.
Небритый, больной, одичалый,
Гляжу я на вас, как сова,
И всё повторяю в печали
Немецкие эти слова...
Свяжите меня, успокойте,
Чтоб я не бубнил, как кретин:
Ich weiß nicht, was soll es bedeuten,
Daß ich so traurig bin*.

* Я не знаю, что со мною, / Отчего я так печален (нем.) – первые строки стихотворения Гейне «Лорелея» (пер. А. Тимофеевского).

* * *

Мне понять невозможно
И тоски не унять,
Что понять невозможно,
Что так просто понять.
Надо сделать немного,
Надо сделать чуть-чуть,
Чтоб узнать, и потрогать,
И почувствовать суть.
Но в сраженье спесивом
Генотипы тверды.
Наша нежность бессильна
Против нашей вражды.

* * *

Пока мы тоскуем и тужим
И грустный подводим итог,
Душа моя скачет по лужам
И мартовский топчет ледок.
Душа моя где-то на воле,
В надзвёздных мирах Пикассо,
А может, на Марсовом поле
Поёт и играет в серсо.
А может, у моря в Алушке
Лепечет и лепит кулич —
Оттуда не видно голубке,
Какой я зануда и сын.

* * *

...Ещё стрижей довольно и касаток...

О. Мандельштам

Стоит берёзонька во ржи
В краю, где отчий дом.
И чертят в небе чертежи
Стрижи перед дождём.
Забудь про этот край. Покинь!
Не поминай родства.
На самом деле там пески,
Полынь. Разрыв-трава.
И дождь не в счёт, и рожь не в счёт.
Не в счёт полёт стрижей.
Где Мандельштам сказал —
Ещё, я говорю — уже.

* * *

Когда я был самым собою,
Мне было от роду лет пять,
Душа брала меня с собою
Над Божьим миром полетать.

Сон навевался сладкий-сладкий,
И вот, немного погодя,
Я с маленькой своей кровати
Взлетал, руками разводя.

Внизу – берёзовая роща,
Поля и голубой Донец,
А ведь летать простого проще,
И я всё выше, как птенец.

Прощайте, тени кружевные,
У кромки леса на лугу,
Я полетел в миры иные,
Какие – вспомнить не могу.

* * *

Я прожил здесь лет сто,
Душа невыездная.
И знаю только то,
Что ничего не знаю.
Я только слышал звон
И потому лишь выжил,
Что, загнанный в загон,
Лежал в навозной жиже.
И капли от её
Тлетворных испарений
Слепились в мумиё
Моих стихотворений.

2000-е

Я стану морем, ты – совой,
И, грудью упираясь в сети,
Шепну тебе: я твой, я твой.
– Гу-гу, гу-гу, – ты мне ответишь.

Горы, лес и море

Что вы всё лапаете, шарите,
Всё ублажить хотите тело –
Известно мне на нашем шарике
Всего лишь три достойных дела:
Смотреть на гор невероятие,
Деревья или даль морскую,
И есть ещё одно занятие,
Которого всю жизнь взыскую, –
Ждать того самого мгновения,
Когда я выпаду в осадок
И вновь наступит вдохновения
Эпилептический припадок.

В окне лбы гор, а может, горы лбов,
Меж ними небо втиснулось, как блюдо
Или как белый тюк между горбов
Лохматого трёхгорбого верблюда.
На ближней горке буйная листва,
Вторая – как застывшая цунами,
А третья нам видна едва-едва,
Чуть различимый силуэт в тумане.

Гор трёхступенчатая линия –
Природы альфа и омега,
Сперва зелёные и синие,
А дальше – серые до неба.
Не знаю места их у Бога.
Не в том загадка: выше, ниже ли,
Но суетится мысль убогая –
Потом, когда умру, увижу ли?

Ложатся горы в стих
Размерными рядами,
А облака на них
Ложатся бородами.
А сердце: ах да ах —
От счастья замирая, —
Ведь горы в облаках —
Почти преддверье рая.

Вглядись, вокруг поля лес, как нимб,
И небо сочеталось с ним
Без швов, в одно сплошное целое,
А посередке — лошадь белая.

Лес, что ты вынешь нам из-под полы,
Какой сюрприз внезапно приготовишь:
Двух сосен обнажённые стволы
Напоминают ноги двух чудовищ.

Деревьев ценные стволы
И хвои пенные валы,
Весьма обыденные с виду,
Стремятся ввысь, где синь и свет.
А там сойдутся или нет,
Как параллельные Эвклида.

Мы, городские, все чумные,
Для нас леса — миры иные,
Нам неясна деревьев стать:
Что нам они напоминают,
Куда вершины устремляют
И что пытаются сказать.

В березняке нам птицы пели,
Дубы венками нас венчали,

И тишиной встречали ели,
Снимая грусти и печали.
Обиды сердца утишая,
От злобных мыслей стерегли,
Оберегали, утешали,
Никак утешить не могли.

Ты всё твердишь мне «ненавижу»,
Заместо прежнего «люблю».
А я ленив и неподвижен,
Не возражаю и терплю.
А я, тебе не прекослова
И не входя в докучный спор,
Смотрю без мысли на шиповник,
Как дети смотрят на костёр.
Мне непонятно, кто я, где я,
В каких веках, в каком краю,
В чём суть, в чём смысл и в чём идея:
Я сам себя не узнаю.
Я между лесом и горами,
Статист в чужой какой-то драме,
А может быть, забыл слова.
Забывать легко. Меня же нету.
Ведь я не то и я не это:
Не горы и не лес — трава.

* * *

Афина мылом мыла раму,
А оказалось, моря мрамор,
И то, что было миру мерой,
Вдруг стало хмарой и химерой.
Размылись все её миры,
Размером ставши с мра и мры.

* * *

Вдоль моря бережок,
Где ступни колет галька,
И белый голубок
Как маленькая чайка.
Ты смотришь, щуря глаз,
На камешки морские.
А те глядят на нас,
Мол, мы с тобой какие?

* * *

П. Крючкову

И море в странном освещенье,
И туча чёрной полосой,
И я перед тобой в смущенье
Стою раздетый и босой.
Спасибо, Бог, за всё на свете,
Ведь этот миг неповторим —
И море в предзакатном свете,
И туча чёрная над ним.

* * *

Наташе

Виновато шепнёшь: я чуть-чуть...
Тут же в кресле уснёшь под часами.
В одиночку проделанный путь
Не увидишь моими глазами.
Трёх таинственных света снопов,
Бьющих ввысь над чернеющим лесом,
И моих однозвучных шагов
Не услышишь скрипучую мессу.
Здесь от гравия снег побурел,
Тень от сосен легла на дорогу.
Я, наверно, любить не умел,
Вечно путал любовь и тревогу.

Петербург

На обеде у Смирдина в 1832 году,
где собралась вся литературная
братия, – первый тост за Крылова,
второй за Жуковского и только
третий за Пушкина.

*По свидетельству М. Е. Лобанова,
биографа И. А. Крылова*

Где проспектов параллели,
Меж похожих так аллей,
В поле Марсовом в апреле
Вместе с бабушкой моей,
В поле Марсовом на воле
Я верчу своё серсо,
Я отважный рыцарь, воин,
И – упало колесо.
Сердце сжалось, сон, усталость,
Тук-тук-тук... и станет стыть.
Что останется, осталось,
Что извечно, будет быть:
Чёрный твой квадрат, Малевич,
Остальное всё на слом,
Летний сад, Иван Андреич,
Третье место за столом.

Эхо

Так хочется эху болтать ни о чём,
Дразнить, и шутить, и аукать,
Но дева, увы, не поёт за холмом,
И рог не трубит, и безмолвствует гром —
Не слышно ни стука, ни грюка.
И зверь не ревёт, если вырублен бор,
И, стало быть, не с кем вступить в разговор.
Лишь чёрное, чёрное, ночи черней,
С лицом пирамиды торнадо, —
Страшнее могил и могильных червей,
О чём даже думать не надо,
На что невозможно, нельзя отвечать,
И эхо себя заставляет молчать.

Реинкарнация

Ито-сану

Я украл у друга жену
и укрылся в травах весенних
близ Мусасино*.
Когда поле с трёх сторон подожгли,
кто-то спас нас.
Что было после, не помню,
только должен был я родиться в Париже,
в девятнадцатом веке,
а явился на свет
в большевистской Москве в ноябре тридцать третьего года.
Все люди как люди,
но я то из тех,
с кем должно непременно случиться.
И родился я сразу хмельным,
и жил в этой странной стране,
словно шёл тёмной ночью с попойки,
и не было кучи дерьма,
куда бы я ни вступил.
Друзья за ручку вынимали меня,
обмывали и чаем поили.
А я снова, урод, — в ту же самую кучу.
А как стал я
слепым и глухим
и несносным занудой,
Господь отыскал мне
в милой Японии друга.
Спасибо тебе, Ито-сан.

* См. японский эпос «Исэмоноготари» (IX век).

Кто знает,
может, ты и был тем,
кто вывел меня из горящего поля
весной в Мусасино.

Друзьям

Друзья мои ушли давно,
А я один зачем-то выжил.
И вот сижу гляжу в окно
И пялюсь в небо — вдруг увижу?
Так, шутка, но когда-нибудь
Душа, достигнув идеала...
И тут меня кольнуло в грудь —
Когда-нибудь уже настало.
Метаморфозы бытия
Никто не согласует с нами.
Возможно, лучшее из я
Уже гуляет там с друзьями.
Идём небесною Москвой
И видим, катит по Арбату
Троллейбус синенький такой,
Совсем как в песне у Булата,
А на Лубянке сплошь сады
Цветут в любое время года.
Нет ожидания беды
И нет железного уroda,
Есть только пенье птиц и май,
Согласное вещей теченье,
Вглядись получше и внимай,
Поймёшь своё предназначенье.
И для меня открылось вдруг,
Что глазу было незнакомо,
Нет смерти, разомкнулся круг,
Бескрайность вместо окоёма,
И нет конца у тех аллей,
Где я иду, от счастья плача.

Как я не понял, дуралей,
Что и не может быть иначе,
Что я уже среди своих,
Ну пусть не весь, пусть на две трети.
А на земле остался жмых,
Отжимки лишь на этом свете.

* * *

Ход конём, ход конём, ход конём,
Я хожу, как лошадка, по кругу
С электричеством ночью и днём
В ожидании почты и друга.
Полумрак на моём этаже,
Солнца нет, и от этого – скука...
Милый друг, ты явился уже,
Ты вошёл без звонка и без стука.
Одиночество – верный друган,
Неизменный и не предающий,
Я налью тебе водки стакан.
Ты молчишь – неужели непьющий?

Таруса

Здесь пролетела птица Рух,
И потому везде разруха.
Шла, шла себе и в воду бух –
Таруса, милая старуха.
И по Оке круги и грусть,
И ни ответа, ни привета,
И я сказать вам не берусь,
Где Русь, та Русь –
Руси той нету.

* * *

Страшен не сам черкес
И не черкесовы чресла,
Гнусный черкес исчез,
Остались черкесовы кресла.
В креслах сидит мужик
Иного вида и веса
И делает нам вжик-вжик
Ничуть не хуже черкеса.

Футбол

Футбол прекрасен не игрою.
В нём важен не накал борьбы.
Не рёв толпы, не гол героя –
Я вижу контуры судьбы.
Здесь рок, схлестнувшийся со страстью,
Одолевает страсти пыл:
Сначала бьёт, как пульс в запястье,
И вот окаменел, застыл.

Из письма Батюшкова Жуковскому

М. Рыбаковой

Гуляя вдоль парнасовой подошвы,
Что я могу увидеть, оглядясь:
Корысть и зависть, варварство и пошлость,
Иначе говоря, навоз и грязь.
И я смотрю на древние могилы,
Вдыхаю запах клёна и ольхи...
Ещё к тебе есть просьба, друг мой милый,
Пришли в Москву мне Гётевы стихи.
Час от часу моё здоровье ниже,
Стремлюся к музам, ставят мне заслон,
И кажется, я к смерти ближе, ближе,
А тут ещё приснился странный сон:
От пули иноземного солдата
Погиб Сверчок, а я сойду с ума,
И через двести лет умрёт Эрато,
А вместе с ней поэзия сама.

* * *

Я последний в отделенье
Из оставшихся в живых.
Шесть умерших, в отдаленье
Еле-еле вижу их.
Как ведётся, на рассвете,
Отступая в далеко...
Плачут жёны, плачут дети,
Оттого что нелегко.
Отступая в край нездешний,
Где ни тропок, ни дорог.
Боже, я великий грешник,
Объясни, в чём твой урок.

* * *

Непрочитанные поэты –
Все мы пасынки злой судьбы.
Перед нами склеп интернета,
Блогов сумрачные гробы.
Здесь лежат стихов наших тени,
Отшумевших страстей итог,
Всё-то ждут, когда их заденет
Мышки остренький коготок.

2010-е

Знаешь, что такое старость —
Старость — когда в сердце лёд,
Водка с праздника осталась,
Но её никто не пьёт.

Афон

А. Левитину, Г. Авруцкому

1

Могло ж так быть, что мастер Дионисий
У Господа в Эдеме побывал,
И красоте небесной подивился,
И на небе земном нарисовал.

Начертанная кончиком пера,
Близка, а вот поди ж ты доплыви,
Афон-гора — эдемская гора
Из солнечного света и любви.

Она такая на весь мир одна,
Светла, как Божьей Матери слеза,
С утра ещё отчётливо видна,
А в полдень исчезает без следа.

2

И справа был Афон, и море,
И обещание удач,
А слева туча взмыла в горе,
Как исступление и плач,
Нависшая над нашим домом,
Как два скрещённые меча,
Застывшая, как в горле комом,
Вовсю без голоса крича.
Как будто стало то, что было
Травкою сорной лебедой,

Осталось только то, что било,
Травило, мучило бедой.
А над Афоном трепетали
И колыхались облака
И утопали, в небе тая,
Как сахар в кружке молока.
Один лишь только облак белый
Над ним порхал, как мотылёк,
И это было важным делом –
Бессмертья, может быть, залог.

3

Афон-гора с небесной синевой
Сливается и в небе тонет, тает,
То кажется, не стало ничего,
То чуть мерещится, то снова возникает.

Афон-гора, где Матери престол,
И сонмы душ вокруг него клубятся,
И лащаются к заступнице святой,
И их удел дрожать и колебаться.

Афон-гора, метаморфозы душ,
Где ждут прощенья, жаждут превращенья
И нету ни одной застывшей формы.
Здесь Божья Мать дарует отпущенье,
Так может быть, и мне туда...

Вчерашний день

Нам кажется, вчерашний день так близок,
что рядом он,
что вышел прогуляться,
здесь, за угол, совсем недалеко.
Ещё слышны вчерашние слова,
шаги гостей, что допоздна сидели,
и прыг их провожавшего кота.
И много, много
вчерашней мишуры и суеты.
И милое дыхание любимой,
и кажется, что можно ей сказать:
— Ну что ты куксишься?
Забудь, оставь.
Я что-то брякнул,
и совсем некстати?
Так это ж всё слова,
им грош цена,
и главное, что можно всё исправить.
Вчерашний день — он здесь,
он точно рядом,
как на плите кастрюлька,
только встань,
не поленись
и руку протяни.
Да чёрта с два,
нет никакого дня!
Умолкните, поэты и жрецы,
Заткнитесь все, и вы, миллиардеры,
ни за какие деньги
вчерашний день обратно не вернуть.

Он канул в вечность.
Он дальше Фермопил и пирамид.
Он затерялся средь полузабытых,
ну, как их там,
живых или убитых
гомеровских героев.
Вот так, мои друзья.

Осень

Пустынно, ветрено и зыбко
И отвратительно для глаз.
Земля болтается, как зыбка,
Продавливается, как матрас,
А осень шепелявит вяло:
Ну чем же я вам не мила,
Всё, что пожухло и увяло,
Я убрала и подмела...
И от всего земного шара
Остался бабкин огород,
Где тыква так и пышет жаром
От прошлых солнечных щедрот.

* * *

Мы опять говорим не о том,
Осень рыжая вышла из леса,
И рассыпалась ржавым листом,
И скрипит под ногами железом.

Нам себя же придётся винить,
Если вдруг мы на осень наступим.
Я тут Богу хотел позвонить,
Говорят, абонент недоступен.

Мимо нас всё на скейтах бегут,
Так торопятся, видно, им к спеху.
Где-то празднуют, слышен салют,
И по парку разносится эхо.

Но когда те пойдут на войну,
А другие пойдут в магазины,
Мы с тобой соберём тишину,
Как грибы, и уложим в корзину.

Ремейки. Подражания

Гейне

*

Красотка, нет в мире шикарней,
Поёт, не жалеючи гланд,
Задумчиво сидя на камне,
Про Рейн и родной Фатерлянд.
От бешеной страсти шалея
(Их десять, их двадцать, их сто),
Ребята плывут к Лорелее,
И жизнь для них больше ничто.
На ласковый голос молодки,
Услышав, как нежно поёт,
Стремятся... И падают с лодки
В пучину ужасную вод.
Проходит всего драй минутен,
И только круги по воде,
А я не пойму почему-то,
Куда я печален и где.

Лермонтов

*

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана.
Надлежало быть ей утром рано
Где-то там, в предгорьях Алатау.

Целовала каменное тело,
Оплела его дождинок сетью,
И остаться тучке захотелось
На вторую ночь, потом на третью...

Загуляла тучка золотая,
Поломала все метеосводки,
Прогнозист вопит и выдирает
Волосы седые из бородки.

*

Есть тайна звучаний
И тайна созвучий
Лесного потока
И ивы плакучей.
Есть тайна слияния
Неба и моря,
Храни эту тайну
С сияньем во взоре.
Струны колебанью
Ответит струною
Родному звучанью
Звучанье родное.
Тот звук благодатен —
Открыт и свободен,
Двоим лишь понятен,
Для прочих бесплоден.

Пушкин

*

Когда крикливый день от вас уходит прочь,
На город призрачную тенью,
Ещё белёсая, спешит улечься ночь
И дарит вам отдохновенье.
Но то, что вам покой, то для меня беда.
Глаз не могу сомкнуть, всё длится
Фильм мерзкий моего позора и стыда,
Не в силах мысль остановиться.
Не сплю, хотя не спать я больше не могу.
Иду на дно, как шёл «Титаник»,
Но крутит фильм в моём больном мозгу
Безжалостный киномеханик.
Зачем же мне смотреть ужасное кино
О том, что жил я так ничтожно?
Хочу забыться я, забвенья не дано.
Заплакать — плакать невозможно.
Бессмысленной толпой промчались дни мои...

*

Я не сплю, хоть в доме тьма,
Свет, должно быть, отключили.
Ход часов, настёрный, чинный,
Сводит медленно с ума.
Болтовня трёх бабок вещей,
Сонной ночи мрак зловещий.
Жизнь скребётся, словно мышь.

Что же этот шорох значит,
Кто-то умер или зачат?
Я окликнул, ты молчишь.
И ни горького упрёка
Или тайного намёка,
Чтоб я понял и постиг
Твой таинственный язык.

Путешествия

Париж

*

Переводчица Софи
Как-то, глаз скосивши узкий,
Мне, кривясь, сказала: «Фи!
Формы нет у вас, у русских!»
Я подумал: неспроста!
И на всякий случай руки
Опустил вдоль живота —
Не расстёгнуты ли брюки?

*

Я над Нотр-Дамом де Пари
В ночи увидел Люцифера.
Злодей над храмом воспарил
И вжался в стенку, как химера.
Приятность придавал глазам
Из адской преисподней идол
И палец прижимал к губам
Затем, чтоб я его не выдал.

*

Вот кладбище, где всё так странно,
Здесь Гейне спит и сын-Дюма,

А из тумана прут Османа
Пятиэтажные дома.
Сгустились тучи низко-низко,
Молотит дождик, не щадя...
А я пишу тебе записки,
Экспромты на полях дождя.

*

Мы десять улиц прошагали
И чуть поменьше площадей,
Сейчас бредём по плац Пигали
И не встречаем там людей.
Париж от публики свободен,
Лишь куртка жёсткая ребром,
В ней мчится байкер, что подобен
Той редкой птице над Днепром.

*

Я в него влюблён,
Я просто болен,
Моя радость и моя печаль...
Если можно что сравнить
С крестьянским русским полем,
Это королевский сад Версаль.
Я смотрел бы на него часами,
Удивляясь строгой красоте,
Где деревья вкупе с небесами
И на небе надпись – либерте.

*

При тусклом свете дня чуть блещут фонари,
Деревья — руки вверх, чугунная ограда,
Сад с тыльной стороны Нотр-Дама де Пари...
И в общем, больше ничего не надо.

Рим

1

Там, где стоит за тачкой тачка,
Устав, весь день повсюду рыская,
Лежит бездомная собачка,
Собаченька такая римская.

2. Баллада о вилле Боргезе

На вилле Боргезе
Чудесные бродят коты
С пятью или больше ногами,
А многие даже с рогами,
На вилле Боргезе.

На вилле Боргезе
Так сильно влиянье луны:
Гипноз посылает на виллу прелестные сны.
Их нам выдают по заказу,
Плохих я не видел ни разу
На вилле Боргезе.

На вилле Боргезе
Повсюду растут мандарины,
На вилле Боргезе
Под ними сидят синьорины.
Какие движенья, и дивные формы, и стать!
И каждая хочет подружкою вашу стать
На вилле Боргезе.

Над виллой Боргезе
Всё время клубится туман,
И ты понимаешь, что это мираж и обман:
И сны, и коты, и подруги.
И всё, что мы видим в округе
На вилле Боргезе.

3. В ожидании варваров

Ремейк Константиноса Кавафиса

Почему мы сидим на форуме и ничего не делаем?
Потому что придут варвары и всё сделают за нас.
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Почему первый Консул стоит у ворот Рима,
Ладонь прижал к козырьку и смотрит вдаль?
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Почему наш Консул развесил повсюду портреты Дуче?
Потому что считает, что варварам Дуче придётся по вкусу.
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Почему он держит в руках список нежелательных лиц?
Варвары должны прийти к нам сегодня,
А варвары знают, как поступать с такими людьми.

Почему на вилле Боргезе срубили все пинии?
Варвары должны прийти к нам сегодня,
А варварам нравятся больше осины.

Почему в церкви Сан-Луиджи деи Франчезе
Не стало трёх картин Караваджо?
Потому что варварам нужно место для рекламы прокладок.
Варвары должны прийти к нам сегодня.

Что за толпа бежит по городу с криками «вау»,
Сжигая машины и насилая женщин,
Неужели пришли наконец долгожданные варвары?!

Ах, нет! — это бегут горожане,
Огорчённые тем, что варвары так и не появились.
Понятное дело, ведь приход варваров был бы для нас спасением.

4. У фонтана Бродского

Четыре неподвижных черепахи
Лениво останавливают время.
Тень рыжего над римскою водой.
На древних стенах след тысячелетий,
И незачем идти,
Чтобы увидеть что-нибудь другое.

5

И навсегда уходит в сны
Рим, где господствует цвет пиний,
Цвет охры, кирпича и хны.
Где улицы из долгих линий
И не имеют ширины.

Египет

1

В Египте горы из песков,
Как будто, встать уже не волен,
Распавшийся на сто кусков,
Лежит рассыпавшийся Голем.
И ни травинки, ни куста —
Пустыня во всю ширь безводная,
А поперёк гора пуста,
Как будто женщина бесплодная.

2. Фото

Нам вряд ли запомнится, кто нас поил
И что мы тут ели и пили,
Останется в памяти серый Каир,
Дома из песка и из пыли.
Араб на верблюде в цветастой чалме,
Застывший, как часть пирамиды,
И древний, щербатый, на древнем холме
Приставленный к вечности идол.

3. Шаг змеи

Стрекотунья белобока...
А. С. Пушкин

Тебе гостей сулит сорока,
А нам совсем не до гостей,
Нам от себя самих морока.

Да, скифы мы! Да, мы рабы!
И вот в Египте мы, заразы.
В нас сфинкс глядится пустоглазый
Неотвратимостью судьбы.

Сиракузы

1

Шуре

В восторге ты от Ортиджии,
А мы любили Джиргиталь,
Что было живо, стало лживо,
В прах обратилось, как не жаль.
Но здесь совсем другое дело —
Не дует ветер перемен,
И давит и стесняет тело
Неколебимость вечных стен.
Мы очутились в той системе,
Где из эпох сплетен венок,
Законсервировано время,
И на дверях висит замок.
И пусть нас не осудит гений,
Но так и лезут строки те,
Цепь остановленных мгновений:
Дворцы. Надгробия. Апте...

2

Я ехал, ехал, ехал в поезде
И потерял билет.
Напрасны поиски,
Мне места нет.
Идём по улице, нас четверо,
На склоне дня,
Ищу, ищу, но всё исчерпано,
Там нет меня.
Средь бугенвиллий и песчаника
Идёт квартет,
Ищу, ищу, ищу отчаянно,
Меня тут нет.
Со мной вступают в спор о Гоголе,
Открыты рты,
Однако доводов не много ли
Для пустоты.
Вот бирюзово-сине-тёмное,
Нырнём?
Оно огромное-огромное,
Но я не в нём.

Крит

1. Пещера Зевса

Отсюда видно, как в небе синем
Уходят боги.
Они решили людей покинуть
И сделать ноги,

Удрать от нас в ледяные дали
Дорогой млечной,
Они и раньше нас покидали,
Теперь – навечно.
Забыв о силе своей и славе,
Бегут так скоро...
Зевс в спешке шлёпы свои оставил –
Вот эти горы,
Веками море их обмывало,
Сушил их ветер,
Как будто вовсе и не бывало
Богов на свете.

2

Где горы, горы и горы,
По серпантину
Виток за витком,
И вдруг, как гость без звонка,
Появляется море.
Синева такого разлива
В палитре художника нету.
Бесконечное.
Мягким своим полукружьем
С горизонтом слилось.

Но что это?
По краям окоёма зазубрины,
Точно чёрт краюху обгрыз.

От купола неба
Здоровенный кусок отвалился.
Пустота, и в дыре
Второго неба не видно.

Снесло полгоры.
У горы обнаружилось чрево,
И странно смотреть на него.
А домики жёлтого цвета,
Что буквой «Г»
Вдоль дороги стояли,
Газонокосилкой
Скосило.

По спирали,
Виток за витком,
То ли вверх, то ли вниз.
У платана срослись два ствола
И слегка изогнулись,
Как ноги слона,
Но где голова и живот?

Кончается всё,
Пятисотлетний маяк
На две части расколот.
У богини любви отрублены руки,
И бетховенский марш оборвался,
Словно немцы тридцать девятого года
В Польшу вошли
И, разинувши рты, онемели.
А шоссе, что несло в пустоту,
Вместе с нами туда и попало.

Но солнце второе встаёт,
И заря — на все стороны света,
Так наступает начало.

Прощанье с морем

Т. Кузовлевой

Оно всегда являлось вдруг,
Когда его почти не ждали, —
Огромный синий полукруг
И с небом слившиеся дали.
Соединённая без шва,
Переливалась и сияла
Небес и моря синева,
И это сердце потрясало.
И я по серпантину вниз
Всё ускоряю бег летящий,
Но вдруг открывшийся сюрприз
Внезапно исчезал за чащей.
Исчезнет и опять мелькнёт
Всего на миг полоской тонкой.
А если вовсе не придёт,
Как на свидание девчонка?

Стоять у моря под окном,
Страдать и изнывать часами,
Кому-то там кричать: мокнём!
Куда-то плыть под парусами.
Не будет этого. Конец.
Всё. Я выбрасываю ласты.
До возвращения колец!
Приходит час разлуки. Баста.
Прощай, зелёная волна!
Ах, море, море, ты ли, ты ли...
Прочти записочку. Она
Тебе отправлена в бутылки.

Прочти записочку, прочти,
Ведь ты такое голубое.
Прощанье с морем, что почти
Прощание с самим собою.
В разрезе море как змея –
Извилистые волн барашки,
Где каждый гребень – это я
И волны дней ушедших Сашки.
Я в прошлом, позапрошлом дне,
И это всё мои фантомы,
Бегущие в морской волне
Изгибы голубого тона.
Фантомы, шелуха, лузга,
Уже не я, а пена, накипь.
Накатятся на берега,
Потом уйдут в песок и... на фиг!

ВОСЬМИСТИШИЯ

(1950-е – 2010-е)

Забрасывая бредень в воду,
Входи в реку времен до плеч,
Но так, чтоб выудить не моду,
А метафизику извлечь.

I

Наивный Гамлет хочет цепь разбить,
Взять два звена из всей цепи сомнений.
Но мир не знает роковых мгновений,
Не существует «быть или не быть» —
Вот в чём разгадка наших преступлений.

*

Нас в небе ждёт элизиум,
А здесь — иллюзион,
Мы дни на дни нанизываем,
Как будто бы живём.
Как будто жить не против,
Как будто бы дыша,
Как будто бы из плоти,
Как будто бы душа.

*

Душевная буря метёт,
Бросает в огонь из полымя,
А в поле цикорий цветёт
И прячется в сизой полыни.
Нагнёшься над синим глазком,
Открытым, доверчивым, кротким,
И кажешься рядом с цветком
Расплывчатым, тусклым, нечётким.

*

Что-то завтра
С нами станет,
Тяжёл камень
Шею тянет.
Чужих мыслей
Ходы лисьи.
В душе нищей
Бесы рыщут.

*

Душа моя, дева немая,
Зачем я с тобой не молчу,
Дурацкий колпак надеваю,
Дурацкие шутки шучу.
Пока так нелепо и жалко
Треплю языком о пустом,
Танцует душа, как русалка
С раздвоенным рыбьим хвостом.

*

Как телу надобен уход,
Как нужно языку общенье,
Душе необходим уход,
Побег, отъезд, невозвращенье.
Не от жены, не от трубы
Над крышей дома, не от быта!
Побег ей нужен от судьбы,
Которая душе открыта.

*

Душа моя старалась
Не потерять лица,
Как карандаш, стиралась
И стёрлась до конца.
А то, что мы любили,
Страдание и страх, —
Лишь след графитной пыли
На сереньких листах.

*

Лишь раз, переступивши грань,
Чтоб душу грешную спасти,
Ловить божественную длань,
Молить у Господа — прости!
А я переступал черту,
И оставался за чертой,
И был по эту и по ту,
И с этой стороны, и с той.

*

Господь придёт в весёлый час,
Все наши прегрешенья скосит,
Все наши вины снимет с нас
И только за одно нас спросит!
Кто дал вам злоупотребить
Души высокими правами,
Кто дал вам право не любить
Когда-либо любимых вами?

*

Шуре

Мир хрупок и звенит. Деревья
Впечатались в стеклянный воздух.
Поедем к дедушке в деревню.
И в монастырь. И примем постриг.
Картоху будем есть, соленья...
И будут медленные годы,
И будем ждать, когда моленья
Пройдут сквозь каменные своды.

*

Не бойся времени, оно
Лишь метит, а не отнимает,
И возвращение дано,
Но цель движения иная.
А смерти нету, нас несут
И обтекают жизни волны.
Ты тоже жизнь и ты сосуд,
Который жизнь собою полнит.

II

Я нанизал ошибку на ошибку,
Тройной виной гася позор вины,
И, как рыба, поймавший минус рыбку,
Давно ужу с обратной стороны.

*

Планета, словно поезд,
Летит в межзвёздный мрак,
Конечной остановки
Не угадать никак.
А мы сидим, скучаем
И мнём в руках билет.
Давай с тобой сыграем
В игру, которой нет.

*

Одно умение убивать
Мне дано двадцатым веком,
А нет умения забывать,
Немедля забывать об этом.
Убить — забыть, солгать — забыть.
Перед собой не лицемерить.
И самого себя любить,
И саму себе поверить.

*

На проспектах твоих запылённых,
На свету, если свет, и впотьмах,
В грязно-серых и грязно-зелёных,
Просто в грязных и серых домах
И в огромном квартирном закуте,
Здесь, на третьем моем этаже,
Как-то странно мне думать до жути,
Что со мной всё случилось уже.

*

Мы взлелеяны страхами,
Нас баюкала ложь,
Нами поле не вспахано,
Не посеяна рожь.
А уж входим мы наглухо,
Как в обоймы, в лета
И не чувствуем запахов,
Забываем цвета.

*

Как сладко быть счастливым
На острие ножа,
Глотать под дулом сливы,
От страха не дрожа.
Мечтать о небе синем,
Летя с балкона вниз,
Лежать на гильотине
И слушать птичий свист.

III

Растащили меня мертвецы,
Я не так чтобы против,
Но всё же...

*

Мы все у Рубцова читали,
По-моему, в левом столбце:
«Всё было весёлым в начале,
Всё стало печальным в конце».
С Рубцовым, поэтом прекрасным,
Я в споре, ребята, давно:
Всё было в начале прекрасным,
Всё странно в конце и... смешно.

*

Сломался ваш магнитофон.
Он пел, играл и доигрался:
Был скверный звук, был мерзкий фон,
А тут он отказал, сломался.
Вот так и я хожу-брожу,
Пред жизнью сей благоговею
И вряд ли умереть сумею —
Скорей всего, я откажу.

*

Л. Югай

Душа моя от тела отлетела,
И стала малым облачком печальным,
И грустно-грустно на землю глядела,
Вернувшись к тем кругам первоначальным.
Бесплотные к ней прижимались души,
Бессчётные, они сбивались в тучи,
Немотные, они точили слёзы –
Три дня им оставалось видеть землю...

*

В. Агеносову

Вначале было слово, слово...
И, музе ветреной служа,
Я с осторожностью слепого
Иду по острию ножа.
Сболтнул: мне жить осталось с вами...
И прикусить спешу язык –
А вдруг, играючи словами,
В судьбу нечаянно проник.

*

Образ жёлтый, казённый и скучный,
Словно осень с больницей в родстве.
Равномерно унылые тучи
Отражаются в чахлой листве.
Жизнь вчерашняя падает наземь
И уже никому не нужна,
Разрушаются прошлые связи,
И всё время бранится жена.

IV

У пешек жизнь мерзка, пошла.
Подумайте, какая мука –
Куда бы пешка ни пошла,
Ход будет на руку кому-то.

*

За то, что правдой не своею
Мы мерили дела свои,
Нам поле не дано засеять
И разгадать закон любви.
Воспоминанья нас пытаются,
И горек хлеб наш, как трава,
Сегодня с наших уст слетают
Вчерашней истины слова.

*

Пойдёмте в вернисаж, там на исходе лета
Вас встретит Сурбаран, Веласкес, Тинторетто.
Прекраснее всего миниатюры Гойи,
Он пишет то, что есть, – не что-нибудь другое.
Пред ними я готов простаивать часами.
С шести его холстов на нас глядим мы сами –
За вычетом одежд и титулов вельможных, –
Исполнены надежд безумных и ничтожных.

*

В день выборов я провожал знакомых
И на вокзале встретил итальянцев,
Они смеялись, звонкие, как дети,
И по перрону бегали бегом.
А рядом мы как нищие стояли,
Держа на шее тяжкие вериги
Российских специфических забот
И наших удивительных свобод.

*

Перестроимся и, не мешкая,
Перестроившись, побежим,
И короткими перебежками
На исходные рубежи.
Сквозь проклятые семидесятые,
Сквозь тридцатые злые года
До того поворотного столбика,
От какого мы все — не туда.

*

Сидит на камне Чехов,
Родимый наш А. П.
И ищет человек
В гуляющей толпе.
Он смотрит очень строго
И, видимо, задет
Тем, что народу много,
А этих самых нет.

*

Быть может, не во сне, а наяву
Я с поезда сойду напропалую,
И в чистом поле упаду в траву,
И зареву, и землю поцелую.
Конечно же, ты прав, хоть на луну,
Хоть к чёрту на кулички, но не ближе, —
Чем я сильнее люблю свою страну,
Тем больше государство ненавижу.

*

Пускай нас всех разбросает,
Пускай нас всех разбросает,
Злой ветер века развеет,
Злой ветер века разметёт, разгонит нас.
В разных концах планеты,
В разных концах планеты,
Мы будем розно, но вместе,
Мы будем вместе, вместе, вместе, как сейчас.

V

Ты спишь со мной, легко дыша во сне,
И ни о чём, наверно, не жалеешь,
И ничего не помнишь обо мне
И никогда запомнить не сумеешь.

*

Я стану кануть, кануть, кануть
И превращаться в память, в память...
И мастер навсегда меня
Упрячет в свой футляр скрипичный.
И не смогу уже клюв в клюв
Свистящим шёпотом по птичьи
Сказать тебе: фью-фью —
Люблю.

*

О, как мы к женщине глухи,
Её себе считая ровней,
Мы посвящаем ей стихи,
Мы говорим: ты помнишь, помнишь?
Мы говорим ей: ты забыла
Тот пляж, тот сад и то авто.
А женщина не то любила
И помнила совсем не то.

*

Жена не голоси
И дети не просите,
Веселье на Руси,
Как сказано, есть пити.
Наш князь — зелёный змий,
И мы его солдаты,
Нас тьмы, и тьмы, и тьмы, и тьмы,
И мы уже поддаты.

*

Нет ничего смешней мужчины,
Когда в печали и тоске
Сидит он, теребя морщины,
В кальсонах и одном носке.
Он всё хитрит и половинит,
Носок наденет, снова сымет
И взять никак не может в толк,
Что выше: чувство или долг?

*

Ты — как за тысячу веков,
Ты — страшно далека,
Ты — из приснившихся стихов
Последняя строка.
Строка, которой мне не в труд
Любых певцов забить,
Строка, которой поутру
Ни вспомнить, ни забыть.

VI

Мне прошлого не нужно никакого,
Но я хотел бы в мире жить похожем.
К примеру, стать в рассказе Казакова
Случайно им увиденным прохожим.

*

Не вскакивать ночами
Не попадать впросак,
Не стукаться о память,
Как о дверной косяк.
Накладываю вето
На меты прошлых лет,
Но где былого нету,
Там будущего нет.

*

Пошёл на Каланчёвку,
Нашёл себе друзей,
Купил себе расчёску
За двадцать пять рублей.
Потом я ел редиску,
И с хлопцами кирял,
И потерял прописку,
И паспорт потерял.

*

Ткацкой долей проклятой
Давно моё сердце разбито.
Мне глаза застилает слезой
От мелькания ниток.
И верчу колесо я ногою босою
С утра до заката,
И от этой работы
Я стала старухой горбатой.

*

Жизнь промчалась, как день субботний,
Словно не жил я сорок лет,
Словно было одно сегодня,
А сегодня уже и нет.
Словно мимо отрогов синих,
От вершины невядалеке,
Я промчался по серпантину
На открытом грузовике.

*

Опять квитанцию прислали,
А рассчитаться нету сил,
И я опять, как в том квартале,
За свет и газ не заплатил.
Не заплатил за свет и воду,
За то, что я ещё живой,
За место под небесным сводом,
За небосвод над головой.

*

Какими все мы были корешами!
Как пили водку! Целовали баб!
Как быстро мы на помощь поспешали
К тому, кто вдруг оказывался слаб.
И жизнь прошла, каков итог, о други,
Вы, значившие всё в моей судьбе,
Мы ничего не знаем друг о друге,
Об этом мире, о самих себе.

*

Дрязги, склоки и укоры
Не щадим и не прощаем.
Наших ссор собачьи своры
Оглушают душу лаем.
Ночью липнет к окнам морось,
Снег за окнами маячит,
Спит душа с душою порознь
И во сне тихонько плачет.

VII

Он ничего не ищет, он иной,
И бури все равны ему и мели.
Бортов соударения с волной –
И больше никакой особой цели.

*

Всё мигом утекло,
Не удержал в ладони.
Упёрся лбом в стекло
В троллейбусном вагоне.
Ну, что там, жизнь, покажь,
Ведь очень интересно!
А за окном пейзаж,
В котором нет мне места.

*

Был я мальчиком, не было мне четырёх,
И приснился мне сон, и судил меня Бог.
Был он страшен и грозен, о трёх головах,
Непонятен в движениях своих и словах.
И его осуждающий голос гремел..
Но за что Он судил, я понять не умел,
Как я мог догадаться, смотря в небеса,
Что не мальчика судит, а старого пса.

*

Настоящее есть чудо,
Просто чудо, господа.
Появилось ниоткуда
И исчезло в никуда.
Накатило, укатило,
След не виден на воде.
Между будет и меж было
Промежуток этот где?

*

Новостям плохим не верю.
Говорят, Бог шельму метит.
Что нам мавры и евреи,
Если в небе солнце светит.
Что нам мавры и евреи,
Если небо как икона
И сосулина на шею
Мне не сверзилась с балкона.

VIII

Если мог бы, я достал бы с неба звёздочку.
Положил её над омутом на досточку
И забросил бы потом глубоко в омут —
Не видал я никогда, как звёзды тонут.

*

Я в том бою, где не убьют,
В сраженье, где, детей наивней,
Ручьи по Тютчеву поют
Победу над блокадой зимней.
Снега чернеют там и сям,
Но вражье лопнуло кольцо их,
Уже весна в лицо лесам
Зелёной дунула пыльюю.

*

Где волны серые, холодные
Извечно друг за другом следуют,
Дельфины милые, свободные
Свистящим шёпотом беседуют.
Не понимая разрушения,
Не принимая созидания,
Во имя самоулучшения
Передают поток сознания.

*

Я хочу в те места, где грибам
Завладеть удаётся умами,
Где парным молоком по губам
Из низинки стекают туманы.
Где захочешь лежать — лежи
На шуршащей траве распятым,
Где показывают шиши
Подосиновики растяпам.

*

Сторожок упал в песок,
Был я счастлив несказанно,
В чёрной яме я подсёк
Золотистого сазана.
И, застигнутый судьбой,
Чуя смертную истому,
Он цеплял уже губой
По песку по золотому.

*

Пора ко сну,
А глупый дятел
Долбит сосну,
Как будто спятил.
Дал час поспать
И спозаранку
Завёл опять
Свою морзянку.

*

Всё время солнце в тучи прячется
И снег валит.
Вот чёрный дуб стоит корячится,
Как инвалид.
Ему в какое-то мгновение
Сказали: стой!
Застыл в таком же настроении,
Как мы с тобой!

*

Я нынешней ночью заметил,
Что с липою шепчется клён.
Дерева используют ветер,
Примерно как мы – телефон.
Клён шепчет: в часы новолуния
Я вас полюбил от души...
Я плохо вас слышу, шалунья.
А липа в ответ: не шурши.

Кошачий Экклезиаст на окне

И вернутся ветры на круги своя,
И будет бабочка летать,
Но ударишь лапой,
И встанет перед тобой
Неодолимая преграда,
И узнаешь ты,
Что всё тщета,
Тщета и суета сует.

*

В конце среды, погоду делая,
Подул норд-ост от маяка,
И понеслись, как оголтелые,
В закатном небе облака.
Как будто в ожиданье шмона,
Вальяжны, розовы, толсты,
Чтобы усесться на Самонова
Николы чистые холсты.

*

На дачах Аркадии
И Ореанды
Женским бельём
Расцветают веранды.
Летят комбинации
С флагштоков балконных,
Как в дни коронации
Знамёна влюблённых.

*

День, утомлённый сонной ленью,
Вдруг опускает поводя,
Я снова пропустил мгновенье,
Когда рождается звезда,
И возникает в тихой дали
Ещё синеющих небес
Та звёздочка нежней печали
И месяц, тонкий, как порез.

Поэмы

Как труден путь к вершине мастерства,
А сделать надо, в сущности, так мало –
Облечь воспоминания в слова,
Которых прежде не существовало.

Маленькая поэма без названия

Памяти Ирочки

I

Хочу хоть раз постигнуть мир,
А там весь век лежать в падучей,
Хочу уверовать на миг
В единственность своих созвучий.
Но кисть не передаст мечты,
Быть может, смысл в напрасном тщенье.
Чем тоньше схвачены черты,
Тем отдалённей воплощенье.

II

Я был в зазеркалье,
Я видел его —
Холодная плоскость,
Где нет ничего.
И я это понял,
И стал я нищей,
Ведь мир — это поле,
Где нету вещей.
Лишь поле, лишь плато,
Лишь плоскость скольженья,
Где время есть плата
За воображенье.

III

Проклятье богу Эдисону
За то, что он в избытке сил
Свет животворный, свет зелёный
В холодный мёртвый превратил.
Тот факт, что сплошь по белу свету
На каждые полста шагов
Мы ставим виселицу свету,
Лежит на совести богов.
И богу Врубелю проклятье
За то, что, давши жизнь холсту,
В восторге поиска он спятил
И уничтожил красоту.
Но трижды проклят Иегова.
И если на земле суровой
Живут Изольда и Тристан —
Распните на Голгофе снова
За вивисекцию Христа.

IV

Конечно, наш Господь безбожник,
Поскольку Бога нет над Ним.
Он беспощаден, как художник
К произведениям своим.
И, одержимый, словно Врубель,
Он сам не знает, что творит:
Нечаянно шедевр погубит
И вновь уже не повторит.

V

Не повторяются мгновенья,
И не научена рука
Запоминать прикосновенья,
Куда уносит нас река —
Недолговечных, как растенья,
Бесформенных, как облака.

VI

Любовью мы ослеплены,
Но, если мыслить без пристрастья,
Нет времени и нет пространства,
И нечто и ничто равны.
И танец бабочки живой,
Ребёнка смех, людская бойня
И сжатие объектов Хойла
Пустой покажутся игрой.
Вот жизнь тебе, бери, люби её.
Но если нет в душе Христа,
Учёный скажет — энтропия.
Экклезиаст сказал — тщета.

1964

Молитва

I

Прости меня, прости меня, прости меня, прости!
Мне б жить, как речке литься, как дереву расти.
Прости меня, о Боже, забудь про всё на миг!
О, как же я ничтожен, о, как же ты велик!
Дни мои измерены, а ноченьки долги.
Снятся мне измены, предательства, долги.
О, как же это надо, чтоб небосвод — разверст,
Чтоб пасть ничком под градом в меня летящих звезд,
Назвать тебя по имени и волю дать слезам.
Прости меня, прости меня, за что — ты знаешь сам.

II

Я изменил любимой,
Я изменил себе
И жёлтым одуванчикам на склоне
Горы лиловой,
Где даже в полдень
Со дна глубокой шахты
Виднелась звёздочка.
Которая измена горше,
И сам не знаю.
Прости мне, Господи!
Прости меня, о Боже,
Забудь про всё на миг!

О, как же я ничтожен,
О, как же ты велик!
Ты был со мною рядом
И подавал мне знак.
Я знал всегда, что надо,
Но делал всё не так.
И вот ночью темью
Окутан шар земной
И звёзды, как камня,
Повисли надо мной.
Луна кругла, как плаха.
И я кричу во тьму:
— О, дай мне хоть поплакать,
Как сыну твоему.
Но глухо эхо ночи,
В ответ лишь тьма да тишь.
И ты простить не хочешь,
А плакать не велишь.

И чудо не случится,
Придёт тот самый миг,
И гроб мой сослуживцы
Поставят в грузовик.
Ну а пока есть время,
Пока не вышел срок —
Я распрощусь со всеми
И выйду за порог.
Увижу лес осенний
Под жёлтою луной.
И звёзды, как камня,
Повиснут надо мной.
И в листья неживые
Я упаду лицом:

– Заступница Мария,
Вступишь перед отцом!
Каким угодно адом
Пускай меня казнят,
Пускай казнят как надо,
Но возвратят назад.
Пусть вечность длится вечность,
Но вечность – коротка,
Коль вновь вернут мне внешность,
И рёбра, и бока!
Чтоб снова день осенний,
И листьев перегной,
И звёзды, как камень,
Сияли надо мной.
Последнее мгновенье
Ты взвесил на весах.
И звёзды, как камень,
Нависли в небесах.
Я чувствую всем телом
Их тяжесть над собой,
Как будто озверелой
Толпе ты крикнул: стой!
Пусть звёздный рой несчислим,
Его легко отвести,
Когда б я был замыслен
Таким, каков я есть.
Но небосвод, мне мнится,
Натянут, как праща,
И поздно мне – молиться,
Тебе – меня прощать.
Я не служил сексотом,
Доносов не строчил,
Блажной, из пулемётов
По людям не строчил.

Пылающим напалмом
Не обливал детей,
Изгнанникам опальным
Не расставлял сетей.
Но был я человеком,
Узнавшим стыд и страх.
Виновным вместе с веком
Во всех его грехах...

1972

Песни восточных славян

Л. Датхаевой

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался...

А. С. Пушкин

I

Как торопился я на праздник!
Как гнал коня! Как пел мой бич!
Я время обгонял и разве
Не загонял его, как дичь?
И вот, ленивый, старый, лживый,
Уже я больше не спешу
И с головой своей плешивой
Под дудку времени пляшу.
Оно, разбившись на моменты,
Меня терзает, торопя.
Бегут минуты, как монеты
С изображением тебя.
Умерь же, время, эту гонку!
Отсыпь хоть горстку тех монет,
Чтоб вновь увидеть профиль тонкий
И весь твой хрупкий силуэт,
Взять эти тоненькие пальцы,
Провести ладонью по лицу,
Как бабочки, тебя касаться,
Стремясь не повредить пыльцу!

II

Ты выйдешь к дебаркадеру
Семнадцатого в среду,
Чтоб дожидаться катера,
С которым я приеду.
Ты за ворота выбежишь,
Со лба откинешь пряди
И с горки, солнцем выжженной,
Увидишь дебаркадер.
Увидишь море зыбкое
И наш причал в тумане.
Где я стою с улыбкою
Никола Пиросмани.
Дорога каменистая
Ведёт к тебе от пристани,
И вся она гвоздиками
Пылающими выстлана.
Тебе б рвануться к берегу,
Ко мне с разбега, с лёту,
Да кипень красно-белую
Испортить неохота.

III

Чтобы нам в разлуке не томиться,
На те дни, пока ты будешь жить в Одессе,
Я решил с Чёрным морем поменяться.
Станет море чиновником чернильным,
Дыроколом, канцелярской крысой,
Будет море являться на службу
К восьми тридцати без опозданий,

Задышаться в подземных переходах,
Принимать просителей дотошных,
Трепетать перед взглядом начальства,
Куриль в местах для куренья
И писать дешёвой авторучкой
За меня казённые бумаги.
А я лягу на галечник солёный
На ложе Эвксинского Понта.
Далеко меня будет видно –
От Байдарских ворот и до Стамбула.
И как только ты меня завидишь,
Прибежишь ко мне на свиданье,
Чтобы я тебя, любимая, нежил,
Обволакивал, качал, ласкал, баюкал,
Чтоб от ласки зашло в тебе сердце
И ты стала моею женою.

IV

Осаждённому городу ржанье коней
Обещает счастливый исход.
Перевязанный шарфом полячки своей,
Вылетает Андрий из ворот.
Он не знает, врезаясь в атаку и дым,
Где чужие и кто там свои,
И как кречет ослепший, летит перед ним
Сумасшедшая птица любви.
Нет друзей и врагов. Он избранник богов,
Очарован одной красотой,
И осталось ему ровно сорок шагов,
Чтоб услышать Тарасово: стой!

V

Я как детёныш глупый.
Тебе со мной беда.
Я спрашиваю: любишь?
Ты отвечаешь: да.
Так говорят с ребёнком.
Так говорят с больным.
Течёт твой голос тонкий
По проводам стальным.
Он делается тише
И тает без следа,
И из всего, что слышал,
Я помню только: да.
Я вспоминаю ночью
Короткий твой ответ
И то, что мне на почте
Так долго писем нет.
И долго мне не спится.
Я слышу это: да.
Темны мои глазницы.
Башка моя седа.

VI

Ты говоришь, что извинить
Не можешь и меня не ждёшь.
И просишь больше не звонить,
И трубку на рычаг кладёшь.
Не извинишь, но вспомни лишь,
Как ты — ты из другого дня —

Та, что звонить мне не велишь,
Звала касатиком меня!
Не отключайся! Не отключо...
Отчаявшись, мы так близки.
Ты слышишь, я тебя люблю!
Ты отключаешься. Гудки.
И мы берлинскую стеной
Разделены, и взвод солдат,
И автоматчики за мной
В прицел оптический следят.
И только сделаю я шаг —
Ложится трубка на рычаг.
И мне бы голову разбить
Об этот чёртов аппарат!
Ты просишь больше не звонить.
Я отхожу на шаг назад.
На год назад, в осенний сад,
Где скачет белка по сосне.
Я выхожу в осенний сад,
И ты бежишь навстречу мне.

VII

Единственная, возлюбленная, невеста моя, звезда!
Сердце болит. Возьми билет! Прилети ко мне сюда!
Не надо мне этой родины, пресловутых её берёз,
Не надо Христа мне — были бы пряди твоих волос.
Трижды тебя предавший, лежу я в грязи и лжи.
Согрей меня! Приголубь меня! Руку ко лбу приложи!

VIII

С утра Лаура не одета.
В квартире у неё бедлам.
Она петрарковским сонетом
Петрарку хлещет по губам:
— Зачем ко мне, Петрарка, ходишь?
Зачем ты глаз с меня не сводишь?
Во мне нашёл ты колорит!
А я живу с плешивым мужем,
А у меня треска на ужин,
И у детей моих колит.
И вот идёт домой Петрарка.
От прозы мысли далеки.
Он думает о том, как ярко
Опишет взмах её руки.

IX

Относительно уюта —
Ожидается уют.
Одноместную каюту
Всем когда-нибудь дают.
Относительно покоя —
Обещается покой
Под тяжёлою такою
Деревянною доской.
Относительно удачи —
Не предвидится удач.
Тут меня переиначить
Не сумеешь ты, хоть плачь!
Всё, что в этой жизни нужно,
Нам судьба наворочит:

Половина жизни — служба,
Половина жизни — быт.
Что от этого осталось,
То и нам с тобой досталось,
Нам одним принадлежит.

Х

Там, где свалил меня запой,
На Трубной или Самотёчной,
Я, непотребный и тупой,
Лежал в канавке водосточной,
Шёл от меня блевотный дух,
И мне явился некий дух,
И он в меня свой взор вперил
И крылья огненны расправил,
И полдуши он мне спалил,
А полдуши он мне оставил.
И было небо надо мной.
И в небе вился тучный рой,
Подобно рою тлей и мушек,
Душ, половинчатых душой,
И четвертьдуш, и душ-осьмушек,
И легионы душ, чью суть
Очерчивали лишь пунктиры,
Где от души осталось чуть,
Где вместо душ зияли дыры.
И плыли надо мной стада
Стыдящихся на треть стыда,
Познавших честь на четверть чести,
А я желал быть с ними вместе.
И ангел их хлестал бичом
И жёг кипящим сургучом,

И пламень тѣк по этой моли,
Но пламень был им нипочѣм —
Они не чувствовали боли.
И он сказал мне: «Воспари!
Ты — их певец. Они — твои», —
И разразился странным смехом.
Подобный грохоту громов,
Тот смех гремел среди домов
И в стѣклах отдавался эхом.

XI

Любимая, русская осень
Вступает в права, осмелев,
И круглые жѣлтые осы
Кружат возле чѣрных дерев.
Летают весѣлые осы,
Кружатся и падают ниц.
По листьям незримая осень
Проходит походкой цариц.
Деревья стоят в наслажденье,
И можно легко рассмотреть,
Что их занимает рожденье,
А вовсе не гибель и смерть.

XII

Я через степь иду в ночи,
Стоят стога, как куличи,
И телеграфный столб скрипит,
И над водой туман кипит,

И схваченное льдом жнивье –
Как отражение моё
В скрипучем отзвуке шагов,
Где я иду среди стогов,
Среди жнивья, среди борозд,
Сквозь тишину под небом звёзд.
В моём сознание заключён
Какой-то звук, какой-то звон,
А может, жест или кивок,
Который передать бы мог,
Как телеграфный столб скрипит,
И над водой туман кипит,
И как вдоль горизонта в ряд,
Как куличи, стога стоят,
И я иду среди борозд...
Но от меня за сотни вёрст
Ты мельком в зеркало глядишь
И глаз карандашом тенишь.
Тем зеркалом отражено
В стакане светлое вино.
Там лампа над столом висит,
Машинка под окном стучит,
Тебе портниха платье шьёт,
А твой жених маджари пьёт.

XIII

По аэродрому, по аэродрому
Лайнер пробежал, как по судьбе...
Шлягер 1981 года

Там, где сосны цеплялись
За прибрежный откос,

На всю жизнь расставались,
А смеялись – до слёз.
А смеялись – как дети
От смешинки во рту,
Не желая заметить,
Что подводим черту!
Не избегнув соблазна
И восторг ощутив,
Повторять безобразный
Танцевальный мотив!
Словно Бог в утешенье
Нам послал карнавал
И ОВИР разрешенье
На тебя не давал,
Словно нам оставались
Не минуты – года,
Мы смеялись, смеялись,
Как потом никогда.

XIV

Андрий лежал, как не бывает,
Со странным выраженьем глаз,
Ещё не понимал Тарас,
Что пуля насмерть убивает,
Ещё не понимал значенья
Вдруг разделившей их черты,
Ещё смотрел с недоуменьем
На сына юные черты.

Первый вариант эпилога

Я выход путаю и вход
И, впав в уныние и робость,
Задумчиво вхожу не в тот,
Не в тот вагон или автобус.
Кого бужу ночной порой,
В чью дверь стучу и беспокою,
И мыслей комариный рой
Над белою моей башкою.
Кто я? Каких земель и стран?
Кто близок мне и кто знаком мне?
Я потерял свой род и клан,
Себя забыл, себя не помню.
Где те поля, и тот закат,
И запах мёда и гречихи,
Где та рука, лицо и взгляд,
Тот взгляд приветливый и тихий?
Где тот приют, тот дом, тот кров,
Где б я, очнувшись от запоя
Постыдных дней и горьких снов,
Вновь мог бы стать самим собою?
Кто я? Что я? Каких примет,
Каких дорог и троп прохожий?
Чей друг, чей муж и чей сосед –
Родства не помнящий раб божий.

Второй вариант эпилога

Как торопился я на праздник!
Как гнал коня! Как пел мой бич!
Я время обгонял и разве
Не загонял его, как дичь?

Как я спешил увидеть чудо,
Невероятное из чуд —
Тебя, прибывшую оттуда
На целых сорок пять минут.
А ты, как и всегда бывало,
Была передо мной права.
— Вот розы Сашкины, — сказала
И не докончила слова.
Иной системой отсчёта
И недоступностью горда,
Меня припомнивши, как что-то,
Чего не будет никогда!

Эпилог

Трубит рожок.
К концу подходит гон,
И выезжают егеря из рощи.
Давай, дружок, гони свой самогон!
Так будет и покрепче, и попроще.
А я, по разуменью моему,
Тост подыму, и выпить мне охота
За то, что наступил конец всему
И кончилась последняя охота.
Покачиваясь вместе и поя,
Чтоб продолжалась между тем беседа,
Держа одной рукою стопаря,
Держа другую на плече соседа.
Покачиваясь, пьяные в дугу,
И те, кому не разольёшь по двести.
Ушедшие. Которых нет в кругу.
Покачиваясь. Вместе с нами. Вместе.
Как мы друг к другу нежности полны!
Как с наших душ отдёрнуты заслоны!

Как в этот миг нам вовсе не нужны
Безумные и суетные жёны!
И даже я, вместилище греха,
Морального образчик разложения, —
Здесь, на звенящей площади стиха,
Я начинаю акт самосожженья.
Угар прошёл, и не дрожит рука.
Мой ясен ум, и в сердце нету страха.
Слети ко мне и помоги мне, Ка,
Стать на тропу буддийского монаха!
Для красоты на этот свет являсь,
Я жил так скудно, дико и безбожно
Лишь для того, чтоб быть одним из вас
И доказать, что жить так невозможно.
Я прочь, как псов, прогнал лишь трёх бесов —
Стяжательства, Довольства и Кориысти.
Пред остальными был открыт засов.
От скверны всей, огонь, меня очисти!
Будь твёрд мой дух и будь мой пепел чист!
Прямись мой дым, как над Днепром тополя!*

1973-1984

* Тополь (укр).

Азия

Пушкин и Рудаки

Буря мглою небо кроет...

А. С. Пушкин

Буи джуи Мулиён...^{*}

Рудаки

Вихря пены, снеговала
Первобытное родство –
Плач гиены, вой шакала:
Уй-я, ой-я, у-о-о!

Стонут ведьмы, лают черти,
Совершая ведовство,
И звучит из круговерти:
Уй-я, ой-я, у-о-о!

Чуть поодаль друг от дружки,
Ухом вещие чутки, –
Буря мглою – слышит Пушкин,
Буи джуи – Рудаки.

Изнывая, мрево злое
Застилает небосклон:
Буря мглою небо кроет,
Буи джуи Мулиён!

^{*} Плещет, блещет Мулиён (*перс.*), начальные слова касыды Рудаки. Мулиён, или Мульян – речка в средневековой Бухаре.

Душанбе I

*

Поэзия жутка, как Азия,
Вся как ночное преступление.
Души и тела безобразия
Дают в итоге накопления.
В ночном лесу, в кустах репейника
Разбойник режет коробейника.
На окровавленное лезвие
Гляжу, терзаю, рву и рушу
И в сотый раз в огонь поэзии
Швыряю собственную душу.
Воссоздаётся и сжигается
Душа и вновь воссоздаётся...
А в результате получается,
Что ничего не остаётся.
Вернее, остаётся пошлая
Сентиментальность и усталость,
А с нею устремлённость в прошлое,
В то, что лишь в памяти осталось.
Так звёздочка, в ночи летящая,
Искристый след по небу стелет,
В себе сжигая настоящее
И в будущем не видя цели.
Себя всю обращая в бывшее,
В шлак мёртвый, в косную породу, —
В иных мирах когда-то бывшая
Живой, пленительной природой.

*

Такой обычный город,
Как тыща городов,
Лишь только в небо горы
Торчат до облаков,
Да мутные арыки
Мне душу бередают,
Да сонные таджики
На корточках сидят.

*

Стоят беременные Настеньки,
Подставив солнцу животы,
Жиреют в лужах головастики,
На крышах бесятся коты,
А на деревьях пыль пудовая,
И по бульвару, глядь-поглядь,
Одета в платьице не новое,
Идёт покрашенная блядь.
Она приезжего морочит,
И говорит, что, мол, не хочет,
И смотрит ласково на парня
Сквозь дымчатые очки...
А лето всходит, как опара,
И лопается, как стручки,
Ах, это лето в платье стиранном,
В широком жёстком кушаке,
И пахнет пивом и сортирами
В провинциальном городке.

*

И снова рядом у кого-то,
Кто не мечтал и не хотел,
Вся жизнь из пошлых анекдотов
И нелюбимых дел и тел.
Всё та же скука дождевая,
Всё та же злая боль в груди —
И мёртвый я, а ты живая,
Но мне приказано: гляди!
Как будто к креслу привязали,
Иначе б я сбежал давно,
И крутят в опустевшем зале
Для одного меня кино.
И вижу землю я и небо,
Но точно знаю — это ложь,
Нелепица, пустая небыль,
Которой слов не подберёшь.
А всё, что было, всё, что было,
Людская речь передала
В прозрачном слове — полюбила,
В неясном слове — умерла.

*

Молчанье гор и ропот вод,
Земля — как спящая красавица,
И чёрный низкий небосвод
Чуть-чуть волос моих касается.
Из черноты во весь накал
Сияют жёлтые и белые...
Как будто всадник проскакал
И яблоки рассыпал спелые.
Не я ль от счастья замирал,
Любил его, ему завидовал,

Когда он яблоки терял,
Когда небрежно их раскидывал.
Промчался конь — и нет коня,
Не видно ни вдали, ни около,
И нет давным-давно меня,
Того далёкого-далёкого.
Лишь только в небе россыпь звёзд —
А я лежу в траве растерянный,
С глазами, мокрыми от слёз,
Как будто звёзды мной потеряны.

*

П. и Э. Штейманам

Мы жили там, где дровяные склады,
За складами стоял пивной ларёк,
А за пивной, к ларьку пивному задом,
Поставлен был гранитный полубог.
Цвёл мак на крыше глиняной лачуги,
Ей придавая пасторальный вид.
В пивной гудели целый день пьянчуги,
И громче всех безногий инвалид.
Он отъезжал от алкогольной Мекки,
Когда зари бледнела полоса,
И долго-долго голосу калеки
Собачьи отвечали голоса.
Мне этот мир сегодняшнего ближе,
Который раз острее, чем наяву,
Я ощущаю, чувствую и вижу,
Любимая, я этим всем живу.
Мне тычет в нос рукой гранитный идол,
Мне в ноздри бьёт сивушный аромат,

Я слышу стук тележки инвалида,
Переходящий в бормотанье мат.
Приходит ночь, и город засыпает,
Но душен нам наш глинобитный рай.
Зной не стихает, а собаки лают,
Я четверть века слышу этот лай.

*

Э. Корчевскому

Варзобского ущелья
Двадцатый километр.
Неужто возвращенья
Туда сегодня нет?
Неужто прав проклятый
Догматик Гераклит?
Ах, как там пахнет мятой
И солнце не палит!
И там, вцепившись в камень,
Над заводью ключа
Зелёными плодами
Повисла алыча.
В любое время года
Они во рту горьки,
А брошенные в воду —
Стоят, как поплавки.
И листья в сонной лени
Повисли на ветвях,
И каменеет время,
Застывшее в горах.
Застыла тень нечётким
Узором на коре.

В луче застыла пчёлка,
Как мошка в янтаре.
И столько там покоя,
Что не течёт вода,
И Гераклит такое
Не видел никогда.
Ах, взяться б нам за руки
И так шагать след в след –
Вернуться из разлуки
Назад на десять лет.

*

Э. Абрамяну

Ты оставил всех нас,
Суету нашу, нашу мороку,
Этот наш свистопляс
И выходишь один на Дорогу.
Где ты там в этот миг,
Неудержанный, невозвратимый?
Так же трубкой – пых-пых?
Тот же сдержанный, невозмутимый?
Может быть, никакой
Не тоннель... Ничего не известно.
Может, сад городской,
Может, Азия. Солнце. Сиеста.
Может, это полёт.
Возвращение к полной свободе?
Может, Моуди врёт,
Просто снова ты в Стáлинободe,
Помещённый в те дни,
Когда юность была нашим богом.

Снова сорок в тени
В том саду захолульном, убогом.
За кустами арчи,
Где эстрада, проход тупиковый.
Там знакомый пловчи
Дразнит запахом первого плова.
Там под небом столы,
Кеклик выпучил глаз петушиный,
Сквозь деревьев стволы
Можно видеть предгорий вершины.
Мир похож на арбуз,
На зелёное знамя пророка.
Горы сбросили груз.
Льды исчезли, растаяв до срока.
Жар полуденный, злой,
Тень коснулась стола — и ни с места.
Солнце. Азия. Зной.
Всё застыло. Уснуло. Сиеста.
На деревьях листья
Не дрожат, не трепещут, не дышат.
Кеклик в клетке застыл,
Никого ничего не колышет.
Спят любители нард.
В пыль зарывшись, уснули собаки.
За стоп-кадром стоп-кадр,
И последний — бутылка араки.
Выпьем на посолок
И допьём её всю без остатка.
Жаль, конечно, дружок,
Что разгадана жизни загадка.
Выпадает орлом,
Сколько раз ни подбросишь монету.
Это к тайне о том,
Что пространства и времени нету.

Душанбе II

Наташе

*

Я очутился наконец в том месте,
Где мир кончается.
За домом
Чернеет край земли,
А дальше друг за другом
Стоят рядами горы.
Здесь воздух по утрам так свеж,
Что поневоле впадаешь в детство.
И я живу беспечно, как дитя,
Лишь по ночам кричу.
Со мною женщина, которую люблю,
На столике альбом и акварель,
Найденная Николой в Эрмитаже.
Изображает светопреставленье.
Так в тысяча пятьсот каком-то там году
Во сне увидел Хиросиму Дюрер.

*

Прошлым летом
Мальчишки здесь убили человека.
Немногих осудили.
Большинство
По малолетству
Оставлены на воле.
Дети эти
Окрепли за год
И заматерели.

И вот они уверенно шагают,
Всё в одинаковых ухмылках
И лихо шляпы заломив.
Приятель их
Плюёт, с балкона свесясь,
По пояс обнажён,
И на груди сверкает медный крестик.

*

Я в город юности приехал.
Здесь всё как прежде.
Откуда ни посмотришь —
Видишь горы.
И кажется, до них рукой подать.
И кажется, шагни за поворот
И, как тогда, дыхание станет ровным,
И надо лишь ускорить лёгкий шаг,
И встретить звук, и дать ему пролиться,
И звуком переполнится душа,
И в этот миг само собой родится:
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»
Но эти строки написал не я.
И всё случается иначе.
Бродишь, бродишь —
И вдруг наткнёшься на тюрьму
Или на старое кладбище.
И не уйти от неотвязной мысли:
Как случилось,
Что всем, кого я знал на свете,
Я оказался должен.

*

В наёмной тесной комнатухе
Лежу на жёсткой раскладушке,
А за окном громады гор,
И сон некрепок мой и скор.
И третью ночь подряд мне снится
То, что должно со мною сбыться.
Так странно. Но об этом сне
Рассказывать не нужно мне,
Неловко как-то, неуместно,
Вам это знать неинтересно...
Вы б знать хотели не о том.
А то — узнаете потом.

*

Парит пятый час уже,
Скоро, верно, гром бабахнет.
На четвёртом этаже
Одуванчиками пахнет.
Вдруг асфальтовый настил
Стал зеркально фиолетов.
И прохожих превратил
В дам и карточных валетов.
Лопнул неба потолок.
Рухнул ливень оголтелый.
Все пустились наутёк.
Всё мгновенно опустело.
Ходят смерчи косяком,
Буруны, водовороты...
Через площадь босиком
Ты бежишь в мои ворота.

Я застыну у дверей,
Чтобы слушать в сердце бьющий
Лёгких ног твоих хорей,
По ступенькам вверх бегущий.
Ну, скорей же! Появись,
Чуть склонив головку набок,
Вся из капелек и брызг,
Одуванчиков и радуг.

*

Она составлена из множеств...
Событий, обстоятельств, лиц,
Убийц, подвижников, ничтожеств,
Деревьев, трав, зверей и птиц.
Она вмещает этот город,
С которым мы с тобой на ты,
Где сдвинутые к краю горы
Лежат на блюде, как манты.
Она как солнышко в платанах,
Как с гор бегущая река,
Твердящая нам беспрестанно...
Но мы не помним языка.
А вспомнить, между прочим, просто —
Быть только нужно ей подстать.
Она как небо и как звёзды
И как стремление летать.
А горы рыжие, и лето,
И щебет птиц, и речь ручья —
Ответ на наше: «Ты ли это?» —
«Не сомневайтесь, это я!»

*

*Любимая вчера сказала:
– В вершинах сосен олень промчался.
Как долго жду её.*

Из пункта А до пункта Б
Я начал странное из странствий,
Любимая моя, к тебе
Во времени, а не в пространстве.
Считать минуты и часы –
Моя единственная прихоть,
Я жду, я сам себе часы,
Мне не хватает только тикать.
Зачем велел мне, Боже, дать
Из всех известных в мире пыток
Горчайший уксус – ожидать,
Нельзя ль какой другой напиток?

*

Время ливней и время тоски.
Время линьки. Линяют носки.
Павильоны, лотки, балаганы...
Дождь молотит три ночи без сна,
И в подтёках стена и спина.
Мокро, муторно, тускло, погано.
Всё линяет. Линяет зверьё.
На верёвке линяет бельё.
Как уйти из порочного круга?
Нам с тобою опасно линять.
Полиняв, мы не сможем понять
И узнать не сумеем друг друга.

*

Судьба нам ставит западни,
Силки, капканы и ловушки.
Как грустно, что уходят дни,
И как прожить их друг без дружки?
Я дохожу, томлюсь, брожу
И кисну, словно квас в бидоне.
Но всю тебя в душе держу
И вижу всю как на ладони.
А ночью, лёжа на боку,
Вдруг вздрогну, выхватив некстати
На нас похожую строку
Из писем Александра к Нате.
Скажи, мой друг, чего мы ждём,
Ты в Душанбе, а я подале,
В Москве, обоссанной дождём, —
Как Пушкин писывал Наталье.

*

Господь так далеко с тобою нас расставил,
Что мы не видим лиц.
И я не знаю,
Смеёшься ты иль плачешь,
И мне — заплакать или улыбнуться?

*

А мы с тобою стали яты —
Мы два пловца, мы два гребца.

Настой сосущие из мяты,
Из солнца, мёда, чабреца
И мяты, чьи листки измяты.

*

С деликатностью бомжа
Я живу как на вокзале.
В доме, где с душой душа,
Мы и слова не сказали.
Пятый месяц – ё-моё! –
Окружён я пустотою.
Вижу в зеркале моё
Отраженье испитое.
Вот и стал я странноват,
Тереблю седые патлы.
Одинок, как астронавт,
В космос выпавший из шаттла.
Это я – любимец всех,
Знавший лучшие денёчки.
Это я, даривший смех,
Плачу в кухне-одиночке.
Не осталось и следа
От тех дней. Дошёл до ручки.
Как же вышло, что сюда
Мы вошли, держась за ручки?

1960-2000

Море

Наташе и Нюсе

I

О, море,
Ты живая
Огромнейшая капля,
Молекула воды, гигантская такая виноградина
Из сада великанов,
Упавшая на землю.
А может, синяя до черноты,
С туманной дымкой слива.
Маслина! —
И по ней гуляют корабли.

II

Какая лень во всей вселенной.
От солнца моря синь рябая,
И голубая аура у моря.
Какая лень во всей вселенной —
Мне говорит волна любая:
«Проснись, и я тебя умою
Пеной».

III

Ты возникла у причала
В синей тени валуна.
Будто впрямь тебя примчала
На хребте своём волна.
И покуда от прибоя
Изгибались берега,
Ты казалось голубою
Танцовщицею Дега.

IV

Я плаваю там, где стая наяд
Мне шепчет ласково: «Сашка...»
А вовсе не там, где бараны стоят,
Пытаясь боднуть барашка,
Где в пенную кипень спадает волна,
Чтоб в ней умереть навеки,
Где разносчик кричит, как ишак: «Горе-а-
а-чие чебуреки!»

V

Туда, где берега излучина,
Где стёрлась горизонта линия,
Где море с небом не разлучены,
А лишь одно сплошное синее.
Там Крыма полоса долинная
Раскинулась до скал базальтовых,

Там степь пахучая, полынная,
Вся из звенящих звуков альтовых.
Волна, которой делать нефига,
С утра с прибрежным камнем лижется,
И девочка взнуздала серфинга,
Но кажется, что он не движется.

VI

Открылось море в синем блеске.
Над ним трепещет воздух душный.
Трещит, натянутый на леске,
И ищет ветра змей воздушный.
От восхищения дуреем.
Нас соблазняет моря выем.
Играет девочка со змеем.
Играет женщина со змием.
Девчонка, ощутив свободу,
На крыльях улетает в небо,
И женщина вступает в воду,
Как прародительница Ева.
Играет женщина со змием,
Играет девочка со змеем.
Россия!.. Господи, прости им...
Приобретать мы не умеем.
Мы всё теряем, всё теряем.
Всё потерявши, в землю ляжем...
А то, что нам казалось раем,
Вдруг оказалось грязным пляжем.

VII

Я умру и стану морем,
Ну а ты — повремени
И живи себе без горя
Годы долгие и дни.
Я ж, охвачен нежной целью,
Став стихией голубой,
У Армянского ущелья
Буду встречи ждать с тобой.
Слышишь моря рокотанье,
Волн гремящую гряду —
Это ропот ожидания,
Это я тебя так жду!
Вот тыходишь постепенно
В мой ликующий прибой,
Чтоб омыл я страстью пенной
Ножку с узкою стопой.
Чтоб волной тебя взмывало
Вверх и вниз и вновь на круть,
Чтоб как прежде, как бывало —
Руки в руки, грудь на грудь.
Чтобы я ласкал прилежно
Губ родные уголки
И, покусывая нежно,
Целовал твои соски.
А уставши, со свиданья
Ты когда пойдёшь домой,
Снова рокот ожидания
Будет слышен за тобой.

2000

Второе пришествие

Цепная ядерная реакция

Т. Бреус, Л. Морочнику

Число нейтронов разрастается.
Процесс становится лавинным.

Подобно камнепаду с гор,
Где камень два других сшибает,
А эти двое — четырёх,
И, колотясь о скулы скал,
Вниз по известнякам белёсым
Четыре, делая обвал,
Уже влекут собою восемь
И падают на перевал,
В долину гор со страшным гулом,
И превращают вдруг привал
Уставших путников в могилу.

Ядро урана разрывается,
И он кричит, от раны воя,
Когда нейтрон в него врезается,
Дробя нутро его урановое.
Существовать уже не чающий,
К убийствам новым будет мысль стремить;
Сам пулю в сердце получающий,
Он дважды успевае выстрелить.
И два другие будут корчиться,
Свои подбрасывая ввысь тела, —

Им четырёх убить захочется,
И каждый сделает два выстрела.
Ковбой убитый к кольцу тянется
И смерть переиграть надеется,
И пуля мёртвого достанется
Кишкам весёлого индейца.
Любимая, другим унижена,
Обдаст меня смертельным холодом,
Чтоб на удар ей: не убий, жена! —
Кричал я черепом расколотым.
Душа, на части не делимая,
Воссоздаётся и сжигается...
Ответь же мне, моя любимая,
Легко ль тебе в меня стреляется,
И левая не перекосится
Рука, поддерживая правую,
Чтоб у меня на переносице
Поставить точечку кровавую?
Не тем опасна мне, не тем она...
Что плачу я и смерти трушу,
А тем, что страх мой стаей демонов
Чужую раздирает душу...

Число нейтронов разрастается,
Процесс становится лавинным.

В сорок втором году,
От роду семи лет,
Стал я дичью,
Зайцем,
Загнанным
Маленьким зверем,
Мокрым от страха.

Сорок моих одноклассников
Изо дня в день
Поджидали меня
На дороге
Из школы домой,
Били и гнали потом
По спирали шоссе,
По открытой бетонке.
Громко дыша за спиной
И швыряя мне в голову камни.
Ладонку к затылку прижмёшь –
Рука наполняется тёплым...
Отчётливо помню,
Что однажды и сам я
Гнал по задворкам
Некрасивую девочку,
Острым ранца углом
Норовя угодить ей в лицо.
Зачем этот бред
Через многие годы настиг
И вернулся ко мне по спирали?
Зачем я других убивал,
Пускай бы меня убивали...

Степан убьёт Петра, а Пётр убьёт Ивана,
Всё от того, от рас-щепленного урана.
Тот самый первый залп, бессчётно умножаем,
Раздавшийся у Альп, гремит по Гималаям.
А где же тот живёт, кто убивать не любит,
Удар схватив в живот, в других стрелять не будет,
В цепи сломав звено, спасёт меня от пули,
Прикрыв собою, но... Его уже распяли...

Суставы раздробя,
Гвоздями прокололи
Того, кто на Себя
Хотел взять наши боли.
Кривляясь и юля,
Пришли над Ним глумиться,
В лицо ему плюя,
Одевши в багряницу.
И Он стоит, гоним,
Под туч переполохом.
И молний куст над Ним
Цветёт чертополохом.
Но, в горние края
Скорбящий взор уставя,
Он шепчет: «Элои!
Зачем меня оставил?..»

Страшный суд

Из нагорной проповеди (радиоперехват)

...Американская идея,
Или славянская идея,
А с ней идея иудеев
Или идея ВПШ
Сейчас не стоят ни шиша!
Не будем спорить и рядиться,
За круглые столы садиться
И обсуждать со всех сторон
Всё это карканье ворон.
Нам лучше не входить в детали,
А всё, что наизобретали

За эти десять тысяч лет,
Немедля выбросить в кювет.
Пора отбросить все идеи —
Их выдумали прохиндеи,
И никакая из идей
Жизнь не улучшила людей.
Пора извлечь из наших лбов
Весь этот хлам и мусор разом,
Тогда останется любовь
И милосердие и разум.
И ум вчерашнего невежи,
Откинув взятое взаём,
На мир посмотрит глазом свежим,
Чтоб заглянуть за окоём.

*Последние слова, услышанные от него самого
перед тем, как он исчез*

...Вам здесь даются уши и глаза,
Чтоб различать тона и обертоны,
А там, куда вернётесь вы назад,
Нет ничего. Ток лучевой. Фотоны.
Там этой безобразной нет с клюкой,
Там смерти нет. Там ада нет и рая.
Там только свет, который есть любовь,
Там ночевала тучка золотая...

Разговор в метро

«По Би-Би-Си передавали,
Вчера Христа арестовали».

«Христос? Я слышал имя это.
Его я даже видел где-то.
Христос... Конечно же, Христос!
Какой же у меня склероз».

Плач Марии

Занавешу окна днём,
Голову в подушку спрячу —
Лишь бы не врывались в дом
Звуки праздника, — и плачу.
Может быть, Тебя казнят,
А в окошко рвутся марши:
Трубы лжи, подмены, фальши
Изо всех углов звенят.
Духовых оркестров медь
Сердце выдержать не может.
Я молю тебя, о Боже,
Где ты, Господи, ответь!

Из телепередачи

Как сообщает ИНТЕРПРЕСС,
Он был казнён, потом воскрес.
Иуда ставит под сомненье
И смерти факт и воскрешенья.
Как можно верить в чудеса?
Неправда, что его казнили.
Он сам просил. Мы отпустили
Его к своим на небеса.

Чей-то плач

Если тебя не станет,
То и меня не станет,
И ничего не станет.
Настанет
Бесконечная ночь.
Без звёзд.

*Из выступления
видного политического деятеля*

Всем известно, что Иисус Христос как реальная личность никогда не существовал. Это миф.

1980-2000

Письма в Париж о сущности любви

Жене Шехтер

Письмо первое. Сентябрь 1991

Когда полюбишь женщину, пардон, к ней хочется, конечно, быть поближе. Влюбился в Д. — уехала в Лондон. Влюбился в Вас — и Вы уже в Париже.

Одежды снять учил Вас Иванов. Чудачьте, если Вам вольно чудачить. Но щеголять без юбки и штанов удобней было б у меня на даче. Зачем же Вам Париж? Что за дела? Ради чего Вы подались в скитальцы? Ходили б здесь в чём мама родила, а я б на это всё смотрел сквозь пальцы.

Вся жизнь моя лишь петли и узлы. Везде огрехи скверно прявших Парок, а Вы так беззаботны, так милы, моей судьбы единственный подарок. Как возратить Вас — дайте мне совет. Принять ли схиму или брюки сузить? Я б ради Вас взял штурмом Моссовет, чтоб всех мерзавцев наших офранцузить.

Здесь хлещет дождь и дует злой норд-вест. Я перестал курить, всю ночь постился. И ради Вас на прошлом ставя крест, у «Всех скорбящих радости» крестился.

Письмо второе. Октябрь 1991

Пишу слова — с любви снимаю пенки. Процесс ущербен и нелеп, как БАМ. Понятны ль Вам души моей оттенки? Не лучше ль ручку поднести к губам?

Вот я лежу, бездомная собака, и вою Вам, свой жёлтый глаз слезя: в кириллице такого нету знака и по-латински начертать нельзя. Иль скажем так: два милых сердцу дома

на Кудринке стояли — снесены. Вам эти чувства, может быть, знакомы? Скажите мне, Вы верите ли в сны?

Я увидел во сне гнездо гадючьё. Сплетенье тел и тусклый блеск зрачков... А то ещё был интересный случай: в программе «Время» выступал Крючков. Но это всё произошло в июле, потом был путч и трёхминутный рай. Теперь ветра холодные подули, на небе тучи и вороний грай. А из окна нам крыш видны квадраты, как у Ван-Гога, мокрых от дождя. Какие ждут нас впереди утраты, какие дни нам предстоят, грядя? И мы углом свои сдвигаем бровки и ходим с грустным выраженьем морд, как будто мы живём не на Сущёвке, а там у Вас на плас де ля Конкорд.

Рождественская открытка. Декабрь 1991

Рождественские шлю Вам поздравления. Дальнейшее известно Вам заранее — что я поэт безвестный поколения, сошедшего на нет без покаяния. Что стал принадлежать к сословью рвани я во дни, когда страна моя в агонии. Вот почему с державным миром ранее я не был никогда в такой гармонии.

Письмо третьё. Март 1992

В России тает. Жижга течёт на нас с небес. Что нового в Париже? Как там Булонский лес? Как Эйфелева башня? Есть бабки? На мели? Какие-нибудь шашни с французом завели?

На нас же льётся жижга бессмысленных словес. От наших нуворишей я стал и сам балбес. Вот и лежу я, рожей уткнувшись в старый плед, а ведь мне было тоже когда-то двадцать лет.

Не вспомнят старожилы, каким я был тогда. Весёлым и двужилым и как давал дрозда. И ямбом и хореем про этот наш бедлам. И русским, и евреям, и для различных дам. Умел я веселиться, и мне везло в любви. И я читал девицам стихи про большеви... Теперь я мру от скуки и мне за пятьдесят. На мне же эти суки всё гирями висят. И мозг мой стал чугунным, и сам я стал седым, а был я самым юным и самым молодым.

Письмо четвёртое. Апрель 1992

Женя, милая плутовка. Юля, русая головка. Василёк во ржи и ля... Занесла Вас, бля, тусовка в Елисейские поля. Я не сплю, об этом самом размышляю до зари. Как Вы там живёте, дамы, у Нотр-Дамы де Пари? Там, небось, не скажут «здрасьте» — всё «бонжур» или «мерси», а у нас такие страсти: просто боже упаси.

В понедельник, пишет пресса, пал в Санкт-Петербурге скот. Возле Сокола зарезан славный рыцарь Ланселот. Мы дракона бургомистром заменить сумели... Но жить в ладу со здоровым смыслом россиянам не дано. К четвергу разверзлись хляби и раздался трубный глас. Бесы, что подобны жабе, не таясь, глядят на нас. Разорвавши кучевые тучи в мелкие клочки, так и вперили в Россию неподвижные зрачки.

Вот Вам в духе Глазунова панорама наших дней: в перспективе жизнь хренова и народ, что свыкся с ней. Сверху смотрят эти твари. В центре наши короли — Пушкин и Макдональдс в паре (оба на Тверском бульваре). Справа церковь на Нерли, слева виден Ваш Орли, где лепечут по-французски...

Ну их всех, в конце концов! Не прислать ли Вам капустки и солёных огурцов?

Письмо пятое. Май 1992

Чтоб посмотреть на барский особняк, вчера с женой мы ездили в Кусково. Музей закрыт, но ясно всё и так — дома дворяне строили толково. Что тут сказать?! Что наш панельный дом в сравнение с этим кажется ублюдком — банальность. Огибая водоём, мы молча шли, швыряя крошки уткам. Мы шли у самой кромки вдоль пруда, стараясь не ступить ногою в слякоть. А тишина струилась, как вода.

И даже утки перестали кричать. В природе наступил заветный час. Открылась вдруг какая-то защёлка. И соловей:

— Я вас люблю, я вас люблю!.. — по-соловьиному защёлкал.

Он эту фразу повторял спроста. Так чист был звук однообразной трели...

Но отвечал соперник из куста, и всё пошло по правилам дуэли. Тот — «ай лав ю», и этот — «ай лав ю»... Тот нежно пел, а этот дерзко, лихо. И соловей палил по соловью и вызывал на бой за соловыху.

Но тут взлетела утка, расплескав усадьбы вид и отражение роши. Умолкли соловьи, пришла тоска, и я подумал — предкам было проще: они там шли за что-то умирать или служить каким-то там идеям, а нам одно осталось — выбирать между глупцом и явным прохиндеем. Решать, в какую кучу угодить, попасть в какую выгребную яму. Кого себе на шею посадить — мерзавца или дурака и хама. И тут и там нас ожидает стыд, и так и эдак поступить неловко... Уж лучше пусть Господь за нас решит. И мы с женой пошли на остановку.

Письмо шестое. Июнь 1992

У нас всё слава богу. Июнь, цветут сады. В жару мы пьём немного, поскольку нет воды. А мухи есть. Но в меру.

И столько же клопов. Одна беда: из мэров на днях ушёл Попов. Спросили мы Гаврилу:

– Что делаешь, нахал?

Он улыбнулся мило и ручкой помахал. Как и предвидел Глоба, случились чудеса: не уродилась обувь, а с ней и колбаса. На бутерброд без масла повысилась цена, а у трудящей массы нет денег ни хрена. Троллейбусы не ходят, и птички не поют, а женщины не родят и даже не дают.

Супруге в день рождения я, как Сарданапал, устроил угощение, а мне в ответ скандал. Не говоря спасибо, кричит мне:

– Идиот! – Мол, видите ли, рыба ей в горло не идёт.

Так из-за этой мойвы и разошлись с женой. Как говорил Самойлов: любимая, не ной.

Письмо седьмое. Июль 1992

У нас в России просто наважденье. Тут СНГ решает судьба, а у людей крестины, день рожденья и просто без причин идёт гульба. Я две недели в рот не брал ни грамма, крепясь, как Лигачёв во дни поста, когда он был у Горбачёва замом и не ушёл на пенсию с поста.

В четверг я был у свата, пели песни. О чём и сообщаю Вам в письме. Отлично помню, до программы «Вести» был в здравии и собственном уме. Потом воспоминания нечётки. Одно лишь точно знаю: под грибки за сутки выпил семь бутылок водки и рухнул в грязь и потерял очки. И в той грязи лежал я, холодея, в мечтаниях о том, что всё говно... Вот почему вчера рукой злодея убит не я, а некий Сирано.

Письмо восьмое. Август 1992

Меня встревожил ваш ночной звонок. Что происходит с нами? О, создатель! Россия пятый год у трёх дорог читает всем известный указатель: налево повернёшь — коня убьют, пойдёшь направо — будешь сам убитым, а прямо — будешь сыт, одет, обут, но на Руси не принято быть сытым. А если говорить про нас с женой, то с нами всё, как Вы предполагали, ком д'абитюд.

В прошедший выходной явилась к нам подруга Ваша Галя. Вели о Боге бесконечный спор. Хвалили Меня и ругали Папу. На шестерых делили помидор и в результате уронили на пол. А впрочем, как учил покойный вождь, жить стало веселей, жить стало лучше.

Я тут припомнил августовский дождь и те два дня, что были после путча. Какой был кайф! Такой бывает кайф, когда летишь с запасом выше планки. По-моему, я не писал Вам, как Наталья останавливала танки. Когда в глазах рябило от брони и бетезеры двинулись на приступ, Наталья, сделав пальчиком ни-ни, сказала грозно: «Ай-яй-яй», — танкистам. Их командир смутился. От стыда нечётко произнёс распоряженья, и танки разбрелись туда-сюда. И стало хаотичным их движенье. Нас обещались утопить в крови. Тут шла на стенку стенка, или — или... Но если б Вам сказали: не дави! И Вы б, наверно, тоже не давили. Я, кстати, этот осветил вопрос. В поэме. Как в «Двенадцати» у Блока. Двенадцать танков, женщина, Христос... Но нет в своём отечестве пророка.

На днях зашёл в известный Вам журнал. Принёс им два лирических сонета. Редактор был приветлив, руку жал, о хате у меня спросил совета. Я объяснил, что с хатой дело швах, что, дескать, у друзей ютимся сами. Редактор на меня взглянул, как враг. Взял вирши. Долго шевелил губами. И вычеркнул все двадцать восемь строк, а я пошёл своей

дорогой торной. Раз из меня не вышел Саша Блок, получится, быть может, Саша Чёрный?

Письмо девятое. Август 1992

От Вас опять нет писем. Как Вы там? Внимательнее будьте в час гулянья. Я в «Монд» прочёл, что старится Нотр-Дам и рушится от лёгкого дыханья.

А мы в зверинец ездили. Хитро разбрасывает время сеть новинок. Выходим из метро, а у метро подстерегает нас толкучий рынок. Когда-то, зимним днём придя сюда, мы точно так топтались и гудели. Налево было здание суда, и там тогда судили Даниэля.

Мы сквозь иную шли теперь толпу. Иные нас одолевали страсти. Однако, очутившись на толку, как и тогда, поругивали власти. И я зверинцу был уже не рад... Но дети, дети — благодарный зритель. Как Хлебников сказал: «О сад! О сад!..» Там было всё, что только захотите.

Там шимпанзе, задумчивый урод, сидел точь-в-точь как Бабелев Гидали. Там два козла различных двух пород, поверите ль, друг друга не бодали. Усатый морж исследовал бассейн и, вынырнув, просил у нас презента. И лев был благодушен, как Хусейн. И походил медведь на президента. Там тигры, проглотив свою еду, опять рычали, раздирая глотки. Но, к счастью, тигры были все по ту, а мы по эту сторону решётки. И мы смотрели, не спуская глаз, на то, как звери что-то уминали. И звери нам напоминали нас, а мы зверям зверей напоминали.

Письмо десятое. Сентябрь 1992

Шлю Вам пламенный бонжур от великой русской речки, где с женою я сижу, ей тужур надев на плечики. Закатились мы сюда на неделю. Срок недолгий. Много странного. Суда не идут теперь по Волге. Не возникнет теплоход, весь в огнях, из мглы туманной. Как у Лермонтова: «Странный человек, чего он хо...» Для чего живём? Чтоб жить. Тот пашет, тот прикупит. На синичкино цвить-цвить дятел очередь лупит. Справа — бор, а слева — плёс. Скот к реке идёт полого. В небе сумрачном без звёзд глаз напрасно ищет Бога. Где он — высший судия для виновных и для правых? Волги чёрная змея улеглась в душистых травах. Притаилась неживой. Только квакают лягушки. Только с берега того к нам доносятся частушки: «Демократы, хулиганы вы, поломали наш Союз. Выпьем, девки, за Проханова, у него хороший вкус».

Отрывок из неотправленного письма. Декабрь 1992

...Островский с Достоевским — вот курьёз — в одни и те же проживали годы. Одно и то же видеть им пришлось, а увидали разных два народа. Как будто бы, взглянувши на себя, Россия в зеркале не уместила рожу. И пятится, икая и сипя, и крестится, и шепчет: непохожа. Глаза косят и спутаны вьсласы. И слабая улыбка идиота — так гениальный автор «Идиота» был не похож на автора «Грозы»...

Письмо двенадцатое. Октябрь 1993

Я как-то не поспел в Париж заехать в марте, фланировать в толпе влюблённых на Монмартре. А здесь не до утех и не до гужеванья, когда одна у всех проблема выживанья. И хоть вертяться ужом, живём довольно хило. Вчерашний день ушёл во времена Ахилла.

Вчерашний день исчез. Уплыл, слинял, растаял. Туда, за грань небес, удрал без всяких правил. Сказал: «Шабаш! Развод!» И, распроставшись с веком, искать летейских вод потопал к древним грекам. Сказал: «Шабаш! Конец!» И возле Парфенона воздвиг себе дворец из стали и бетона.

Там расцветают яблони и эти штуки. Там большевистский штаб передовой науки. Там, севши на быка, Европа и Даная запели: «Широка страна моя родная...» А Зорькин и Руцкой, слышав это пенье, гуляют над рекой печали и забвенья. И к ним по простоте бегут Крючков и Пуго. Ах, как же те и те похожи друг на друга. Там «Жди меня» Улисс читает Пенелопе. И, расшальясь, повис Амур на дяде Стёпе. Там пионеры «Будь готов!» – кричат Зевесу. И грустно мне чуть-чуть глядеть на эту пьесу.

1991-1993

Лоскут папируса*. Тяжба Сета и Гора

...И Сет брызгал в Гора слюной,
И Гор брызгал в Сета слюной,
И тогда Ре-Хараhti,
Владыка вселенной,
Закричал: – Убирайтесь домой!
Вы, два юноши, Гор и Сет,
Препираетесь триста лет.
От вас в ушах звон –
Пошли вон!
И Сет сказал Гору как другу своему:
– Пойдём отдохнём в моём дому.
Гор посмотрел на него в упор:
– Я согласен, согласен, – сказал Гор.
И они отдыхали, как могли:
Поели, попили и спать легли.
И Гор уснул меж враждебных стен.
А Сет тогда укрепил свой член
И Гору, лишь только Гор уснул,
Засунул меж ляжек и вправил и вдул.
Но гость
Подставил горсть.
.....
И Гор заревел, как гиппопотам,
Он мчался, а стыд за ним по пятам.
Гор семя Сета держал в горсти:
– Мама, ты сына должна спасти!

* Один из многочисленных эпизодов мифа о споре Сета и Гора. Речь идёт о том, кто должен наследовать трон Осириса – сын его Гор или Сет (брат матери Гора – Исиды). Тяжбу должна разрешить Энеада – высшая коллегия египетских богов.

Мать моя Исида, мне конец,
Меня затрахал этот подлец.
Исида в ночнушке включила свет:
– Боже, что сделал с тобой Сет!
Заметалась по комнате, выпила боржом,
Поганую руку отрезала ножом.
Бросила в болото, вонючую, хреновую,
А сыну прилепила равноценную новую.
Взяла приятно пахнущий крем,
Помазала кремом Гору член.
Опустила член в небольшой сосуд.
Вот они оба стоят ждут.
Прошло совсем короткое время –
Гор испустил в сосуд своё семя.
Накрывши амфору чистой тряпицей,
Решила Исида на хитрость пуститься
И с амфорой этой в утреннюю пору
Отправилась в сад обидчика Гора.
Спросила Исида садовника Сета:
– Какая, скажи, у Сета диета?
На что садовник ответил Исиде:
– Латук в сыром и варёном виде.
Божественной Нут божественный сын
Не ест ни бананов, ни дынь, ни маслин.
Употребляет только салат латук,
Съедает за день до сотни штук.
Латук ослабляет действие вина,
Особенно если кто с бодуна...
Тогда Исида безо всякого стеснения
Обрызгала спермой это растение.
Сет за завтраком салатом похрустел
И, как сами понимаете, подзалетел.
Ничего не зная о своей беде,
Сет решил выступить в божественном суде.

И, посмотрев на Энеаду хитро
(На это египетских богов политбюро),
Так закричал: — Энеада! Энеада!
Мне больше с Гором бороться не надо.
За сан и трон Осириса бороться...
Ведь я победил этого уродца.
Энеада молчала, головами покачав.
Лишь Тот воскликнул: — Борись, ты не прав!
Тут Сет Энеаду оповестил:
— Я Гора опустил! Я Гора опустил!
И смех по суду прокатился волной.
И боги плевали в Гора слюной.
Но Гор воскликнул: — Сет лжёт,
Зря надо мной Энеада ржёт.
Пусть вызовут наше семя на свет,
И все поймут, что соврал Сет.
Тогда, могуществен и суров,
Встал Тот, владыка божественных слов,
И, руку прижавши Гору к груди:
— Эй, семя Сета, — сказал, — выходи!
Вдали забухтело неясное что-то,
Семя откликнулось из болота.
Тогда владыка божественных слов
Взглянул на Сета, сердит и суров,
И, руку прижавши к его груди,
Семени Гора велел: выходи!
И семя сказало: — Божественный суд,
Я тут!
Мне непонятно только одно —
Откуда, о Тот, я выйти должно?
И Тот отвечал: — Выходи через ухо!
— Через ухо — не хватит духа,
Поскольку я божественное семя,
Уж лучше я выйду на свет через темя...

И вышло в виде золотого диска.
.....
Голос Сета дошёл до визга,
Покуда он катался, плакал и кричал.
Смеялся Ре-Хараhti – начало всех начал.

2003

Случай в ботаническом саду Балчика в Еньовдень

Силлаботаническая поэма

Так ангел на пути в Эдем
Вздыхнул, и пролилась прохлада,
И тень от гор свежее, чем
Тень Ботанического сада.
А там, где ангел пролетел,
Блеснули три парящих пташки,
След ангела запечатлел
Мобильник старенький Наташки.
Друзья, божественный каприз
Не воссоздать и вполовину,
И посмотреть с вершины вниз —
Не то что снизу на вершину.
Здесь сад искусственный, дворец,
А там цветы на горных склонах.
Ну что ж, я понял наконец
Спор Марсия и Аполлона.

*Песня болгарских крестьянок
на празднике в Ботаническом саду:*

В поле жито колосится,
А трава примята,
Ты ищи цветя, девица,
С утра до заката.

Ищи, дочка, цветя в поле,
Ищи в лесе, дочка.

Если хочешь лучшей доли,
Сорви царь-цветочка.

Царь-цветочек голубою
Искрой загорится —
Твой любимый за тобою
На коне примчится.

Старик с газетой:

Раньше девок я баловал песнею,
А теперь получаю я пенсию.

Лирический поэт:

Какие платья и венки!
На сердце обнажив зарубку,
Старушечки и старики
Меня уводят, взяв за ручку.
Какие лица и глаза,
Какое праздничное действо!
Болгарских женщин голоса
На миг меня вернули в детство:
Вот церковь белая, Донец,
Людьми заполнена дорога,
Со мною бабушка, отец,
Хороших, добрых очень много.
Иванов день в разгаре дня,
У всех в руках цветы и ветки.
И люди любят все меня,
Относятся ко мне как к детке.
С разбега падаю в траву,
Где одуванчики крылаты
Под лёгким парусом плывут,
Как настоящие фрегаты.

Плывите в детство, корабли,
Где смысла здравого ни грамму,
Где любят запахи земли
Сильней, чем собственную маму.

Лекция экскурсовода:

...Гуляя по Ботаническому саду,
Вы легко развеете грусть и досаду.
Наш парк, это знает каждый болгарин,
Не раз посещали Армстронг и Гагарин,
А узнавши о быстром росте бамбука,
Всегда изумлялись: вот так штука!..
У входа в сад стоит древний тополь,
Охраняет лужайки, лестницы, тропы.
Его возраст вычислить проще простого –
Посажен до Рождества Христова.
Обратите внимание на мои слова –
У нас удивительные деревья...

Дама с собачкой:

Сначала я не увидела ничего,
Просто увидела зелени гору.
И это было больше всего
И больше всего походило на гору.
Зелёное на листья не членилось
И всё в одну сторону накренилось,
И долго, долго, долго смотрев я
И упиваясь красотой зелёной,
Поняла, что это –
Горизонтальные деревья
И каждое заканчивается кроной.
Я стала перелистывать ветви,
Как в книге страницы:

На мелкие ветки
Садилась птицы.
Я видела листья,
Я видела ветки,
Целое членилось — появились детки.
И мысль об этом странном деленье
Мозг пронзила мне, как игла,
Потому что дерево было в отдаленье
И я видеть этого не могла.

Лирический поэт:

Над синим зелёное.
Склонилось всеми ветвями над морем.
Дерево, что ты там потеряло?

Лекция экскурсовода:

...Мы начинаем всегда наши лекции
С осмотра кактусовой коллекции...
Теперь пройдем по ступенькам вниз,
Вас овекает лёгкий бриз.
Такое увидите в жизни не скоро —
Слились в один два синих простора...

Лирический поэт:

Жить в ритме моря,
Жить в ритме гор,
Ни с чем не споря.
Впитать в себя
Морской простор,
Ритм гор и моря.

Бомжеватый поэт:

Объелись морем в чистом виде.
До округленья пуз и щёк,
Сидим на набережной сидя,
А хочется сидеть ещё.

Лекция экскурсовода:

...Дворец направо, водопад налево –
Направляемся ко дворцу королевы...

Бомжеватый поэт:

Не хочу тратить евро и левы
И купаться, где камни у скал,
Я бы жил во дворце королевы
И туристов туда не пускал.

Лекция экскурсовода:

...Узкая башня венчает здание.
Вот вам о королеве предание:

Ночью лунною ранима,
Проглотив пирамидон,
Здесь владычица румынов
Выходила на балкон.
Обнаруживала в небе
Ненавистную луну
И бросала её в гнев
В набежавшую волну.

Здесь чайки галдят на птичьем базаре,
А над базаром наш главный розарий...

Бомжеватый поэт:

Если кормите чаек, не стоит, друзья,
Церемониться с этой скотиной:
Я вот булку ей бросил, она, как свинья,
Булку жрёт вместе с грязною тинной.

Лекция экскурсовода:

Возле розария прошу господ посетителей задержаться.
.....

Лирический поэт:

Вот я схватываю глазом
Дерево, под ним обрыв.
Дерево стоит, все разом
Ветви к морю обратив.
Аромата розы тонко
Подступает полоса.
Разом птички и ребёнка
Раздаются голоса.

Вульгарная дама:

Понаехали иностранки-засранки
И оставляют детей на полянке.
Дети просят мамкину сиську,
А матери ходят пьяные в сосиську.

Бомжеватый поэт:

Я шагал от лужи к луже
В Ботаническом саду,

Целовал весь день лягушек
В романтическом чаду,
Всё искал я Василису —
Целовал в глаза и рот.
Вдруг из зарослей ириса
Кто-то шепчет: идиот.

Старик с газетой:

И не сеют, и не пашут,
И не косят, и не жнут —
О чём пишут, зачем пишут,
Видно, сами не поймут.

Из записок практиканта:

Сегодня ночью случилось чудо. В 23.25, по обыкновению, спустился к морю и, проходя мимо розария, услышал, как роза тригинитипитала произнесла по-болгарски: добър вечер! Господи боже мой, если я доложу об этом Манчевой, она решит, что я рехнулся.

Дама с собачкой:

В сердцах, самой себе назло,
Я свой маршрут переменяла,
Но дерево меня звало,
Но дерево меня манило.
Раскинувшись, как ход конём,
Оно собой обозначало,
Что где-то происходит в нём
Чего-то нового начало.
От мощной кроны до корней
Его, казалось, кто-то лепит.

Нет, не ко мне, скорей к волне,
К ней относился листьев трепет.
Я убегала от него
И возвращалась вновь обратно,
А зелень листьев с синевой
Сливалась так невероятно,
И дерево над гладью вод
Само собой могло лучиться.
Я понимала, что вот-вот,
Должно быть, что-нибудь случится.

Старик с газетой:

Что-то будет напоследок,
Как покину этот свет,
И оттуда своих деток
Я увижу или нет?

Лирический поэт:

Своими увидал глазами,
Поверить трудно, господа,
Ведь если бы вы мне сказали,
Я б не поверил никогда.
Та роза к этой наклонилась,
И что вы скажете: молчит? —
Нет, роза шепчет: мне приснилось
Название милое — Балчик.

Черновик неотправленного пресс-релиза:

Уважаемые дамы и господа! Имеем честь пригласить вас на пресс-конференцию, посвящённую сенсационному открытию, которое, вне всяких сомнений,

станет главным событием не только третьего тысячелетия, а всей истории человеческой цивилизации.

Дирекция

Университетского ботанического сада Балчика

Лирический поэт:

Сидел старик на скамейке,
Головой уткнувшись в колени,
А ветер шнырял по кустам,
Увидел газету, и она полетела,
Как большая грузная чайка,
Но долго летать не могла
И легла на клумбу с цветами.

Разговор трёх роз

Первая роза:

Когда густеет пар в долинах
И даль как море глубока,
Из тех пылинок тополиных
Родятся в небе облака.
На мир взирая удивлённо,
Они гуляют голышом
На синем небе и зелёном,
На малом небе и большом.

Вторая роза:

Пронёсся ангел в мире тонком,
Пролив на землю благодать,
За ним три ласточки вдогонку.

Первая роза:

Ах, как им хочется догнать!
Вот так собачки за машиной
Бегут, её облаяв всласть.

Вторая роза:

День не прошёл и вполовину,
А в небе звёздочка зажглась.

Третья роза:

Не пора ль сказать нам людям,
Что цветы и звёзды – сёстры,
Не пора ли передать им
Моря с деревом беседу,
Не пора ль открыть им тайну,
Тайну смерти и рожденья?

Первая роза:

Взгляни, что здесь прочла в газете я.

Третья роза:

Да, слишком я поторопилась,
Мы умолкаем на столетия.

2012

Замедленное кино

I

Счастливым жребий выпал мне:
Прожить в краю садов,
Не зная бед, как в сладком сне,
До четырёх годов.
До четырёх годов, а в пять
Мне было суждено
Под мельницей, попавши в падь,
Волчком уйти на дно.
У омута на быстрине
Настиг меня отец,
На миг он опоздай ко мне,
Пришёл бы мне конец.
Когда б он опоздал на миг,
В ушах звенел бы звон
И к лику ангелов святых
Я был бы сопричтён.

Течёт вода на быстрину,
Кружит водоворот,
И я волчком иду ко дну,
Но всё во мне поёт.
Восторг звенит в моей груди,
В глазах моих круги:
Отец земной мой — погоди,
Небесный — помоги!
И вдруг раздался этот миг
На много тысяч дней
Иль сжалась жизнь в мгновенный вихрь,
Как тут сказать верней.

Вся жизнь как бесконечный взрыв
В замедленном кино.
Вся жизнь в грядущее прорыв –
Вагонное окно.

Вся жизнь до срока, до поры
Раскрывшийся бутон.
Вся жизнь с наскока вниз с горы
Несущийся вагон.
Вся жизнь, все дни моей судьбы,
Живущие во мне,
Как телеграфные столбы,
Бегущие в окне.
Вся жизнь вместилась до краёв
В кратчайший миг один –
От лепетанья первых слов
До старческих седин.
Вся жизнь моя от первых слов
И глупых детских слёз
До неоплаченных долгов
И ран, что я нанёс.

Со всех сторон глаза, глаза
Глядят в упор и вслед,
Трепещут, по волне скользя,
Боясь сойти на нет.
А я вьюном иду ко дну
С тех пор и по сейчас,
Но я забыл, что я тону,
Я тут в снегу увяз.
Снег, наледь, тяжело ногам,
На сердце скукота,
И я тащусь в универсам
За кормом для кота.

И мне лицо секут ветра —
Двоится всё от слёз,
И два метра, и два Петра,
А посередке мост.

II

Не во сне, не наяву
Я иду через Неву.
Иду по мосту девять дён,
А мост стальной как жизнь длинён.
Небо присыпано золой.
Со мной играет ветер злой.
Дует в шею, валит с ног.
Спотыкаясь, скольжу, склоняюсь вбок.

В чёрной талой воде, во льду
Кто-то ночью попал в беду.
Вот он стонет, кричит, зовёт —
То утонет, то вновь всплывёт.
Где-то в городе бьёт набат,
В чёрной проруби тонет брат.
Выплыл брат мой — гребок, гребок —
И обратно, как поплавок.
Что ты скачешь, как бес, в волне?
Что ты плачешь — ко мне, ко мне,
Душу томишь — тону, тону!
Что ты стонешь, я сам стону.

Чёрт на мост меня занёс,
Что ни шаг — сугроб, занос.
Иду по мосту девять дён,
А чёрный мост как жизнь длинён.

Снег-то по морде мне шлёп-шлёп,
Жалит щёки, жалит лоб.
Мороз горячий, как огонь,
К перилам прикипает ладонь.

Что ж он хочет, чтоб так спроста
Я средь ночи к нему с моста?
Если правильно сигану,
Значит, точно пойду ко дну.
Буду там я лежать всегда,
Будет течь из ушей вода...
Если прыгну не в полыню,
То достанусь я воронью.
Череп, треснувшись о быки,
Разлетится на черепки,
Кости выскочат из колен,
И не будет мне перемен.

В бесконечность, в пустоту
На карачках по мосту
Ползу, как жучка, девять дён –
Проклятый мост как жизнь длинён.
А тот кричать уже устал.
С трудом открываются уста.
Голосом сдавленным, как во сне,
Руки, ноги выкручивает мне.

– Саня, Саня! – меня зовёт,
То утонет, то вновь всплывёт.
– Сил, – кричит, – на один гребок.
Саня, Саня, спаси, браток!
Что он бьётся в крутой волне?
Что он рвётся ко мне, ко мне?
Темень жутче, мороз лютей,
Звал бы лучше других людей.

Скулы сводит от той возни,
Вот он вроде опять возник.
Вот он снова пошёл ко дну:
— Братцы, это ведь я тону!..

2005

Тридцать седьмой трамвай

I

Не Валентин и Валентина,
Душа нам родственная, тело ли,
Вторая наша половина —
Та жизнь, которую мы сделали.
Жизнь отвратительная, нервная
И лающая, как дворняжка.
Жаль, на меня, такая скверная,
Она похожа, как двойняшка.
Я не хотел уехать, я не мог,
Но всё случилось так, как не бывает:
Дрыжок в окне, ландшафт даёт свисток,
Вагон стоит, перрончик отъезжает.
И от меня всю ночь, как от чумы,
Бежит меня родившая Россия,
А вместе с ней бегут её дымы,
Её огни и запахи грибные.
И покотился медленно пейзаж,
Вдруг ставший на незримые колёса,
И понеслись, на стыках дребезжа,
Сосна и ель, осина и берёза.
Когда пошла дорога под уклон,
Сбиваясь, налетая друг на друга...
Вагон стоит. Стоит один вагон,
А скорость набирает вся округа.
Не я багаж увязывал, не я
Спешил покинуть родовые склепы.
Но слишком инфантильны сыновья
И, как и мы, беспомощны и слепы.

Вон на опушке скачут мальчиши –
Упитаны, вальяжны, бородаты,
Играют в жмурки, лепят куличи
И умывают руки, как пилаты.
Аукая, играя и шая,
Они рядком уселись на откосе,
Не видя, что поехала земля
И что их всех, чёрт побери, уносит.
В тартарары, в тмутаракань, на слом
Уносятся клочки газет, окурки,
Знакомый с детства в три окошка дом
И тот забор дощатый в переулке.
И, выскочив на мчащийся большак,
Прочь от меня уносится Россия...
А я всё повторяю: как же так?
Куда же вы, хорошие такие?
Куда же вы? – кричу. – Куда же вы? –
Бегущим мимо соснам и рябине.
Туда, где лай собак сторожевых,
И в сторону Катыни и Хатыни.

II

Время двинулось вспять.
Покатилось, как с горки буханка.
Всё, что было, – опять,
И пугает название Лубянка.
Время вспять, как во снах.
По велению чёрта ли, Бога ль...
И у нас на столах
Неразрезанный Пушкин и Гоголь.

III

Живые, сквозь царство подземное Вия,
Мы движемся вспять. Мы бредём в камалоке.
Грядущие дни превратились в былые.
А близкое стало далёким-далёким.
Побег удался. Был продуман в деталях.
Беглец о побеге помыслил лишь было.
Мы снимся себе. Наперёд всё узнали.
И мы повторяем во сне то, что было.
Опять Рождество, мандаринки, снежинки,
И трудно понять, по которому разу
Адаптер снимает с разбитой пластинки
Всю ту же с ума нас сводящую фразу:
Мы снова пойдём в переулки кривые
И будем брести, спотыкаясь по снегу,
Неважно, мы мёртвые или живые.
Россия, прощай. Мы готовы к побегу.

IV

Снесённые дома
Умершего Арбата,
Спасённые тома
И вирши самиздата.
Колодцы пустоты,
Расколотые арки
И нашей нищеты
Бесценные подарки.
Та оттепель и пляс
Под звуки той капли

И дом, где в первый раз
Мы Галича запели.
И кухонь тех восьми-
Метровая свобода,
Тот воздух, чёрт возьми,
И даже непогода.
Да вот и сам я, вот...
Вон у того портала —
Одно плечо вперёд,
Другое чуть отстало...

V

Он их встречал в морозном дыме
Лет двадцать каждый день подряд.
И был он замордован ими
И замурован был в квадрат.
Он думал, что они навеки,
А оказалось, думал зря:
Нет улицы и нет аптеки,
Канала нет и фонаря.

VI

Слышу гул...
А. Блок

О, эти гулы, уши рвущие.
Что мучите? Что душу тянете?
В долину камешки бегущие,
Слов выпадение из памяти.

Обвалы, оползни, смещения,
Засор в трубе канализации.
Бенц! И не стало освещения
И прочих благ цивилизации.
Земли звериное урчание,
Высвобожденье сил агрессии.
Взаимное непонимание
Растёт в невиданной прогрессии.
Разорвало процесс познания,
Бесплодным сделав обучение.
Так наступает одичание
И настанет земли трясение.

VII

Такого мы от сил вышестоящих
Ещё не ожидали куража,
Мир сморщился, и стал ненастоящим,
И сжался до размеров гаража.
Здесь город был, и города не стало,
Мы жили в доме — этот дом не наш.
Под низким небом пыльные кварталы,
На сфере намалёванный пейзаж.
Мир стал для нас как для ребёнка пенка:
На вид, на вкус, на ощупь нехорош.
Попробуй-ка уткнуться пальцем в стенку,
Ведь дырку обязательно проткнёшь.
Вот и сидим мы, как воры в законе,
И ожидаем страшного суда.
А в дырочку посмотришь — там такое,
Что и сказать неловко, господа!

VIII

Россию спёрли инопланетяне,
За пять минут её загравитали
И, спрессовавши, сунули в багаж.
А нам, пока мы с вами тут мечтали,
Вместо неё подсунули муляж.
И радуются — думают — надули!
Меня-то не обманешь. Вот вам дуля!
Дом стал не так, не так стоит авто,
Здесь дед сидел, теперь сидит дедуля.
И стало быть, здесь всё совсем не то.

IX

«Всё, Сашенька, иди домой». —
«А как мне быть теперь?» — «Не знаю...» —
«А я считал тебя родной,
Я думал, что ты мне родная».
Он думает: перерешит,
У бабы сердце не стальное.
И к ней спешит, забывши стыд
И наплевав на остальное.
Мчит на такси. Он здесь уже,
Где под окошком пялит зенки,
Чтобы на пятом этаже
Увидеть силуэт Еленки.
Губами, сухими, как мел,
Он шепчет имя дорогое.
Когда-то паспорт мой имел.
Он мне никто. И всё другое.

Х

Снег идёт, снег идёт,
А внизу идут холопья,
Нос уткнувшие в пальто,
Только снег идёт не тот.
С неба падают не хлопья,
А летит чёрт знает что.
Снег идёт, но это фальшь —
С неба сыплются облатки.
Снег идёт, но это шарж
На сезонные осадки.
Снег шуршит, снег шуршит
Только ради этикета.
Брови не заворошит,
Не растает на щеке-то.
На ладонь не упадёт
Быстрой звёздочкой хрустальной,
Потому что он не тот,
Не подарок чей-то тайный.
И не будет на лугу
Завтра снега по колено,
Потому что все нам лгут
И везде вокруг подмена.

XI

И тот окликает Каштанку,
Чья ласка была столь крута,
Кто вывернуть мог наизнанку,
Чтоб выдрать кусок изо рта.

И мигом Каштанка забыла,
Что было теплом и добром,
И то, что вчера веселило,
Сегодня ей кажется сном.
Хозяин пустое бормочет,
И падает крупный снежок,
И ноздри Каштанки щекочет
Знакомый сивушный душок.
Фонариков светы косые
Не могут пробить снегопад.
Каштанка, Каштанка, Россия,
Зачем ты вернулась назад?

XII

Россия. Ночь под рождество.
Москва в огнях. Рекламный рай —
Слов иностранных торжество,
И по Тверской идёт трамвай.
Москвички, ускоряя шаг,
Спешат с подарками домой.
Никто не видит впопыхах,
Что их нагнал «тридцать седьмой».
Идёт трамвай тридцать седьмой,
А в нём трясутся и сидят,
Но у трамвая ход хромой,
Колёса катятся назад.
Там дед по матери моей
И дед другой — отец отца,
В затылках милых мне людей
Довесок — девять грамм свинца.
Висит чувак на колбасе,
На буферах сидит шпана,

И дружно распевают все:
«Вставай, огромная страна...»
И палачи, и стукачи,
И те, кто ими был казнён,
В единый хор слились в ночи,
Поёт весь призрачный вагон:
«Кипучая, могучая,
Никем непобедимая...»
Играют детки на путях –
Малыш Адольф, а с ним Сосо.
Подумать только, детки! Ах,
Вдруг попадут под колесо?!
А ну, поберегись, сынок,
Уйди с дороги, егоза!...
Кондуктор дёргает звонок,
Водитель жмёт на тормоза.
И люди слышат этот звон,
Знакомый из далёких лет.
Звонок звенит, но где вагон?
Вагон исчез, трамвая нет.
Ушёл, растаял, как дымок,
И не оставивши следов.
Да впрочем, как он ехать мог,
Там где ни рельс, ни проводов?
А все торопятся, спешат
Под Новый год успеть домой,
И только звон стоит в ушах:
Тридцать седьмой, тридцать седьмой.

1992-2003-2005

Легенда об императоре Александрe I Благословенном

Приложение к поэме «Тридцать седьмой трамвай»

Император Александр
Был большой интересант.
Защищал он интересы
Хлебопашцев и крестьян.
Царских дел обширен круг,
Не хватает царских рук —
Хочет дать рабам свободу,
Да всё как-то недосуг.
Говорят ему друзья —
Генералы да князья:
«Отпускать крестьян на волю
Раньше времени нельзя.
В государстве недород,
Подождёт простой народ».
Царь послушался злодеев,
Под сукно декрет кладёт,
Где народу все права,
Где заветные слова:
Власть — Советам,
Земля — крестьянам,
Мир — народам,
Хлеб — голодным!
В государстве воровство,
У царя в душе мертво,
Он задумал очень много,
А не сделал ничего.

Чтоб не выслушать упрёк,
Он Сперанского упёк,
Выслал к чёрту на кулички
Всех, кого лишь только мог.
Рассердился Вельзевул,
Осердясь, вскочил на стул.
Снял он ходики со стенки
И часы перевернул.
Обеспечили в аду
Императору езду
В бронированном вагоне
Всей России на беду.
Проходил его транзит
Через древний град Тильзит,
Александр Наполеону
Нанести решил визит.
В восемьсот седьмом году
Повстречались на плоту,
Поздоровкались за ручку,
Проявили теплоту.
Был один из них в плаще,
В треуголке и вообще,
А другой – в ботфортах узких,
С аксельбантом на плече.
У царей такой настрой,
Чтоб устроить пир горой,
Заедали мёд и пиво
Бутербродами с икрой.
Бонапарт по простоте
Восклицает: «Либерте!
Либерте, эгалите,
А ещё фратерните!»
«Что ж ты, – говорит, – мудака,
Сослал Сперанского в ГУЛАГ,

Как ты мог такое сделать,
Палыч?! Так тебя растак.
Не избегнуть нам войны,
Побежишь, задрав штаны,
Я свободу дам пейзамам
Ледяной твоей страны!»
Александр ответил: «Шиш!
Это я войду в Париж,
Ты не дашь людям свободу,
Потому что сам сгоришь.
Потому что Вельзевул
Ход времён перевернул».
Тут наш царь налил «Парламент»,
Выпил водку и икнул.
«Вот пройдёт короткий срок,
Я поеду в Таганрог,
А поездка в Таганрог —
Государям всем урок.
Посоветуюсь с врачом,
Стану старцем Ильичом.
А как стану Ильичом,
Всё мне будет нипочём.
Генералов не прошу
И князей в расход пушу,
Всем помещикам-дворянам
Я за папу отомщу.
Тут уж, сир, такое дело,
Я отправлюсь жить в леса,
Типа Орлеанской девы
Буду слышать голоса.
Очень сильно заболею,
Будут боли в голове,
Упокоюсь в мавзолее
В белокаменной Москве...»

Вельзевул сказал: «По мне,
Оба вы, цари, в говне —
До сих пор в России рабство,
Значит, вам гореть в огне».
Под котлом большим и ржавым
Стал он пламя раздувать,
И пошло, и побежало,
Покатилось время вспять.
Рой причин опередил
Цепь отставших сильно следствий,
Безобразный суд судил
Прежде розысков и следствий.
Тут реформы впопыхах
Поползли обратно раком,
И не стало в словарях
Мандельштама с Пастернаком.
Поменялись даль и близь,
К дамам честь вернулась девья.
Листья вихрем завились
И взметнулись на деревья.
Волосаты стали все
В прошлом лысые мужчины,
И помчались по шоссе
Задом наперёд машины.
И не стало лошадей
И старинных площадей.
Всё, что было сердцу мило,
За ненужностью снесли.

2009

Склероз плюс реинкарнация

Склероз спешит стереть названья
И уничтожить имена
Уже на все до их скончанья
Оставшиеся времена.
Склероз забвение готовит
И назначает казнь словам,
Чтобы лишить меня любви,
Моей привязанности к вам.
Мой мозг туманен и неясен,
Какая горькая беда!
Не помню слов: берёза, яшень,
Ракита, ива и вода.
Тогда по тропам партизаньим
Мысль отправляется в маки,
Чтобы любить вас без названья,
Мои деревья вдоль реки.

Я б хотел возвращаться,
Когда рыбки танцуют,
Встречая рассвет,
Когда птички поют,
И восток розовеет,
И ветер резвеет
И врывается в форточку
С криком: салют!
Я б хотел возвращаться с утра,
Когда солнце в снегу утопает,
И в ночи,
Когда лес засыпает,

И весной,
Когда взрываются реки,
И летом,
Когда пляжный разносчик
Кричит:
Че-бу-ре-ки!
И осенью лисьей,
Когда жгут её листья
И по скверам стелется дым.
Я б хотел возвращаться всегда.
И ещё возвращаться туда,
Где я был молодым.

Я умер.
Натурально стал ничем.
Но вдруг очнулся.
Завершился цикл
Известных всем давно метаморфоз.
И в результате,
Как и предсказано в моих стихах,
Я превратился в море —
О, велле, воге, хвыля, волны выли,
О, буря, шторм, унветтер, смерч, барраска, волн барашка,
Уотер, вассер, о, вода, уда, акула,
О, меер, зее, си, мер, мар, агуа,
О, ветр, о, винд, о, вант, виентро буйный самый,
О, море, море, море, море,
Мама!
Пластмассовый баллон, и битое стекло,
И куча ракушек гниющих —
Вот мой берег.
А может быть,
Я морем и не стал,

А просто очутился в море –
Безостановочно, бескрайно,
Подобно богу и судьбе,
Что означает море? Тайна,
Сокрытая в самой себе.
И море шлёт свои соблазны,
Загадкой мучая умы.
Томительно однообразны
Его холодные шумы...
Остановилось время.
Цепь событий
Уже не тянется,
Как след от самолёта.
Не стало вдруг «недавно» и «давно».
Явленья прежней жизни
Нахлынули, достали,
Навалились
И, окружив кольцом,
Терзают душу.
Я умолять стал бога о забвенье.
Бог дал забвенье.
И я тотчас начал
Утрачивать, лишаться и терять...
Я забывал слова,
Как листья с дерева,
Их ветер уносил,
Склероз срезал,
Как гроздья винограда, –
О, Волга, воге, хвыля,
О, буря, шторм, унветтер, ветры выли,
О, меер, зее, си, смерч бурный самый,
О, море, море, море,
Мама!

Я помнил, что не так
В начале было.
Но как?
Уже припомнить я не мог.
Слова бесшумно облетели,
Уста, лишившись слов, немели,
И в море обнажились мели.
Между тем,
Воспоминанья острыми зубами
Мне грызли сердце.
Но я чувствовал лишь боль,
А что за ней,
Уже не понимал.
Порой, наоборот,
Я помнил имя,
Но смысл его был тёмнен для меня.
Так слово безобразное —
Акула —
За мной гонялось,
Мучило, терзало
И, наигравшись мною, исчезало,
Как поезд, отошедший от вокзала.
Я выбивался из последних сил,
Но зря старался, все слова забыл
И постоянно
Повторял лишь это:
О, веге, хвыля,
О, меер, зее,
О, море, мама...
А позже в памяти
Осталось только «мама»
И я твердил всё —
Мама, мамой, маме...

Но, выброшенный на берег цунами,
Мгновенно исчерпал свои вчера,
И, память исчерпав, забыл о маме,
И горько плакал,
И кричал: уа!

2005

ПЕРЕВОДЫ

Из Тараса Шевченко

* * *

И небо немыто, и заспано море,
И, словно пьяненький, поник
Вдали над берегом тростник,
Без ветра гнётся – горе, горе.
И долго буду я во тьме,
В моей незамкнутой тюрьме,
Что над никчёмным этим морем,
Томиться, ждать? Не говорит,
Молчит, сама едва жива,
В степи пожухлая трава.
Не хочет правду мне сказать,
А больше нигде мне узнать.

* * *

Ой, наточу товарища
И в сапог заправлю.
Себе славы поищу,
А пойду за правдой.
Ой, пойду я не лугами
И не берегами,
Не широкою дорогой –
Тайными путями.
Спрошу с того, с кого надо,
С богатого пана
И с шляхтича поганого
В поганом жупане.

С чернеца распутного –
Пускай не гуляет,
Пускай лучше слово Божье
Людям прочитает.
Чтоб не резали брат брата
И не обирали,
Сына у вдовы в солдаты
Чтоб не отбирали.

Завещание

Как умру, похороните
Меня на Украине,
У днепровского кургана,
Средь степей бескрайних,
Чтобы видел я с кургана,
Как он волны гонит,
Чтобы слышал ухом чутким,
Как ревет и стонет.

Вот когда его весною
Чёрной кровью вспучит,
Кровью выроdkов... Тогда я
И поля, и кручи –
Всё оставлю и прославлю
Молитвою Бога,
А покуда славить Бога –
Слишком чести много!

Закопайте да вставайте.
Да готовьтесь к бою.
Цепи рвите. Окропите
Волю кровью злою.

И меня в семье великой,
В мире вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Незлым, тихим словом.

* * *

О, люди, люди, бедолаги!
На что сдалися вам цари?
На что сдалися вам псари?
Ведь вы же люди, не собаки!
Ночь. Гололедица и слякоть.
И лёд из-под моста Нева
Несёт тихонько. Снег колючий,
А я иду себе в ночи.
И кашель злой меня замучил,
Смотрю: ну просто как ягнята,
В лохмотьях тянутся девчата.
А инвалид за ними, дед,
Бредёт согнувшись, ковыляет,
Как будто стадо загоняет
Чужое в хлев. Да где же свет,
Свет правды Божьей? Горе, горе!
Детей некормленных и голых
Последний гонят долг отдать
К умершей матери байстряг,
Девчаточек, как ту отару.
Когда же будет суд, и кара
Настигнет ли царят, царей,
И правда будет меж людей?
Иначе солнце вспять пойдёт
И землю грешную сожжёт.

* * *

Как у Катерины
Хата на помосте.
Из славного Запорожья
Наехали гости:
Один – Семён Босый,
Другой – Иван Голый,
Третий – славный Вдовиченко,
Иван Ярошенко.
– Мы объездили всю Польшу
И всю Украину,
А не видели дивчины
Краше Катерины.
Один сказал: – Братья,
Кабы стал богат я,
То отдал бы всё богатство
Я за миг единый
С этой Катериной.
Другой сказал: – Злато –
Ерунда, ребята,
Я готов отдать всю силу
Лишь за миг единый
С этой Катериной.
Третий сказал: – Дети,
Нет того на свете,
Чего бы не сделал
Я за миг единый
С этой Катериной.
Катерина помолчала
И так отвечает:
– У меня есть брат любимый,
В Крыму пропадает,
Чахнет, бедненький, в неволе

У врагов проклятых.
Я тому женою стану,
Кто добудет брата.
Коней оседлали,
Разом поскакали
По чистому полю
Вернуть брату волю.
Один утопился
В днепровской пучине.
Другого в Козлове
На кол посадили.
Третий – Иван Ярошенко,
Славный Вдовиченко,
Из лютой неволи,
Из Бахчисарая
Брата вызволяет.
Заскрипели в хате двери
Утром на рассвете –
Вставай, вставай, Катерина,
Иди брата встретить!
Катерина посмотрела
И заголосила:
– Он не брат мой, он мой милый,
Я вас обдурила...
– Обдурила!.. И Катина
С плеч долой скатилась
Головушка... – Идём, что ли,
Раз такая доля.
Поехали запорожцы
Искать ветра в поле.
Катерину черноброву
В землю закопали,
А славные запорожцы
В степи побратались.

Русалка

«Довелось мне в барском доме
В палатах родиться.
Мать меня купала ночью
В днепровской водице.
Купаячи, говорила
С маленькой со мною:
— Плыви, плыви, моя доню,
Днепром за водою.
Да выплыви русалкою
Завтра среди ночи,
Я на берег выйду с паном,
А ты защекочешь.
Замучь его, моё сердце,
Пускай не смеётся
Надо мною, молодою,
Пуская пьёт-упьётся
Не моими кровь-слезами,
А синей водою,
Днепровскою. Пускай, дочка,
Гуляет с тобою.
Плыви ж, моя родимая!.. —
Волна подхватила,
Понесла русалочку,
А мать завопила,
Побежала. Я же тихо
Плыла за водою,
Пока сестры не встретили,
Не взяли с собою.
Уж неделю тут живу я,
С сёстрами играю
До полночи, а с полночи
Отца поджидаю.

Может, мать моя решила
С паном помириться,
Может, батька с нею, грешной,
Снова веселится?»
Умолкла русалочка
И в омут метнулась,
Как плотвичка. Лишь легонько
Лоза покачнулась.

Мать решила прогуляться —
Стало ночью душно.
Пана Яна нету дома,
А без пана скучно.
А как вышла на тот берег,
Вспомнила былое:
Как родную дочь сгубила...
Поросло травую
То, что было. Спать пошла
Дома на перине,
А пришлось ей почивать
В днепровской пучине.
Не заметила в потёмках,
Как смогли подкрасться
К ней днепровские девчата
И давай играть.
Радёшеньки, что поймали.
Гнали, щекотали,
Пока в вершу не загнали,
И захохотали.
Одна только русалочка
Смеяться не стала.

Лилея

— За что меня, как росла я,
Люди невзлюбили,
За что меня, как выросла,
Молодой убили,
За что ж они теперь с меня
Очей не спускают,
Царевной называют,
С почётом встречают,
Превозносят так, как будто
Равнять меня не с кем,
Ты скажи — за что, мой братик
И цвет королевский?
— Я не знаю, моё сердце.
И цвет королевский
Склонил свою головушку,
Огнём пламеня,
К бледному, поникшему
Личику Лилеи.
И заплакала Лилея
Росою-слезою...
Заплакала и сказала:
— Братик, мы с тобою
Давно уж сроднились,
А я не призналась,
Как была я человеком
И как настрадалась.
Моя мама... взглянет мельком,
Что могло то значить?
Взглянет на меня украдкой
И всё плачет, плачет.
Я не знала, брат единый,
Что же с ней такое,

Кто родимую обидел —
Я была малою.
Я играла, забавлялась,
А она всё вяла
Да нашего злого пана
Кляла-проклинала.
А когда её не стало,
Пан к себе, в палаты,
Взял меня на воспитанье.
Не сказал, проклятый,
Мне о том, что я приبلуда,
Дочь его родная,
И однажды вдруг уехал,
А куда — не знаю.
И прокляли его люди,
Барский дом спалили...
А меня, мой брат единый,
Убить не убили,
Только косы мне остригли,
Тряпкою накрыли,
За мной, стриженою девкой,
С хохотом ходили.
Жиды и те, нечистые,
На меня плевали.
Так-то меня, братик мой,
Люди мордовали.
Веку краткого такого
Мне дожить не дали
Люди злые. Умерла я
Зимой под забором,
А весной расцвела
Пред зелёным бором,
Цветом белым, как снег белым,
Лес забыл печали...

Зимой люди... Боже милый!
В хату не пускали,
А весною полюбили
И глаз не спускали.
И плели венки девчата,
А меня назвали
Лилеею-снегоцветом,
И я расцвела так
И в долине, и в теплице,
И в белых палатах.
Теперь, цвет мой королевский,
Ты бы мне ответил:
Зачем Бог меня поставил
Цветком на сём свете?
Чтоб людей я веселила,
Людей, что убили
Меня с мамой? Милосердный,
Святой Боже милый!
И заплакала Лилея,
А цвет королевский
Склонил свою головушку,
Огнём пламеня,
К бледному, поникшему
Личику Лилеи.

* * *

Ой, не пьются пиво, мёды,
Не пьётся вода.
С чумаченьком молоденьким
Случилась беда.
Заболела головонька,
Заболел живот,

Лежит чумак возле воза,
Лежит – не встаёт.
Из Одессы той преславной
Завезли чуму.
Покинули товарища –
Лишенько ему.
Волы его возле воза
Понуро стоят,
Чёрны вороны из степи
К чумаку летят:
– Ой, вы, вороны, не троньте
Чумацкого трупа,
Нахлебавшись моей крови,
Пропадёте глупо.
Полетели б вы, крылаты,
До родимой хаты,
Отцу-матери сказали,
Чтоб псалтырь читали,
О моей душе о грешной
Господа молили.
А дивчине передайте,
Что в степи зарыли.

* * *

Пристрою боковушку к хате,
Ещё садочек насажу,
И посижу, и похожу,
И стану жить в той благодати.
В своём садочке, в тишине,
Наедине так сладко спиться,
И деточки приснятся мне,
И мать весёлая приснится.

Сон, что давным-давно забыл,
Приснится мне, а также ты...
Нет, мне никак нельзя забыться,
Раз ты приснишься. Среди ночи
Ты тихой сапой в дом войдёшь
И натворишь беды, сожжёшь,
Спалишь заветный мой раёчек.

Из Леси Украинки

Черешенки

Закраснелись черешенки
Средь зелёных веток,
Налились румяным цветом,
Так и манят деток.

А девчонки и мальчишки
Прыгают и скачут,
Но не в силах дотянуться
И едва не плачут.

Съели б ягод много-много,
Да залезть не могут,
Их сорвать бы было просто —
Не хватает роста.

— Что же вы, черешенки,
Деткам не достались,
Что ж вы, спелые такие,
Высоко забрались?

— Если бы мы висели близко,
Нам созреть не дали,
Если б мы висели низко,
Нас бы оборвали.

Надежда*

Ни доли, ни воли — надежда одна,
Одна лишь надежда была мне дана.

Надежда увидеть Украйну мою,
Побыть хоть денёчек в родимом краю.

Надежда взглянуть на любимый Днепро,
А жизнь или смерть для меня — всё одно.

Ещё на курганы в степях посмотреть,
А там безразлично мне, жизнь или смерть.

Ни доли, ни воли — надежда одна,
Одна лишь надежда была мне дана.

Зимняя весна

Тихо. Тепло. Неужели вернулась весна?
Сполохи в небе — не иначе от лунного света.
Звёзды меж мелкими тучками танцы заводят.
Снег высоко на горе засверкал, загорелся,
Словно огни маяка пробежались по самой верхушке.
Тень балюстрады балкона, и в этой тени
Спят кипарисы, зелёные башни волшебного замка.
Кованым блещут металлом притихшие листья магнолий.
Лавры, мне кажется, схвачены сном беспробудным.
Тихо в садочке моём. Тихо в городе. Позднее время.

.....

* Стихотворение написано поэтессой, когда ей было девять лет.

Тут почему-то мне вспомнился город иной.
Серое старое зданье, караул у высокой ограды.
А за оградой, в камере тесной, вы, мой товарищ.
Что если вам, как и мне, спать не можется в эту минуту.
Что если та же луна освещает унылый застенок
Светом холодным и тусклым,
А вы сквозь решётку взглянули
И при луне увидали дорогу, строенья и горы?..
Сон не берёт, а работать и вовсе нет силы, слишком длинна эта ночь.
Хватит! Ушла я с балкона и плотно прихлопнула двери.
Тяжко мне стало в моём расчудесном садочке.
Небо стемнело, и звёзды как будто поплёкли,
То ли туман их закрыл, то ли видеть я стала иначе.

Лесная песня

(Заключительный монолог Мавки)

Милый, не плачь. Пусть горит моё тело,
Ясным огнём засветилось оно,
Чистым и жгучим огнём, как вино...
Вольными искрами ввысь полетело.
Мягкой и лёгкой сыпучей золой
Ляжет оно на родную землю.
Вербю даст мне земля возродиться,
Тонким росточком, зелёной лозой.
Люди придут ко мне в вербные дни,
Чтоб рассказать про невзгоды и беды,
Все принесут мне заботы свои,
Вступит душа моя с ними в беседу
И отзовётся на горести их
Шелестом вербных пушистых комочков,
Голосом нежным свирельных гудочков,
Слёзными росами веток моих.

Я им, любимый, спою, как умею,
Всё, что порою ты мне напевал,
Всё, что мне ранней весною играл,
Всё, что в заветных мечтах я лелею.
Спой же мне снова, как прежде, скорее.

* * *

Ах, если бы достать мне струн живых,
Ещё б иметь талант играть на них.
Какую песню спеть бы я могла,
Она бы все богатства собрала,
Сокровища, что спят в душе немой,
Что скрыты даже от меня самой,
Слова, что даже для меня темны,
Но тем словам на свете нет цены.

Из Чеслава Милоша

Встреча

Мы ехали перед зарёй промёрзшим полем.
Багряное крыло уже вставало, но ночь ещё черна.

Вдруг заяц пробежал через дорогу,
Один из нас взмахнул рукою: заяц!

Давнишний случай, нынче нет в живых
Ни зайца, ни того, кто на него указывал.

Куда, скажи, родная, это делось:
Блеснувшая в ночи рука, сугробов шелест и бег полозьев.
Я не грущу, я просто размышляю.

Счастье

Как мягок свет! Над розовым затоном
И рощей мачт. Калачиком свернувшись,
Канаты отдыхают. Там, где в море
Ручей сочится, у мостков запела флейта.
Возле древней арки
Показались людей фигурки,
Одна в косынке красной. И деревья,
И башни, и в рассветной дымке горы.

Вальс

Звук вальса медленно вращает зеркала,
Подсвечник в танце уплывает в зал.
Кружась, за люстрой люстра поплыла,
Сто люстр зеркальных открывают бал.

Пылинки в воздухе как яблонь лепестки,
Подсолнухи качающихся труб.
Крестов в агонии распяты широки,
Плеч чернота, плеч белизна и рук.

Из-под прикрытых век глядят глаза в глаза,
Шёлк, тронув наготу, ах, — шелестит...
Мир перьев, жёмчуга, многоголосый зал,
Призыв — ответ, и оборот, и ритм.

Песенка для одной струны

Я вдохновенья дар не уберёг,
Что тут сказать, всему приходит срок,
И вдруг я понял, как я одинок.

Я шёл куда-то. Дождик проливной
Слезами обливался надо мной.
Ты, дождик, добр, да я, знать, не такой.

Ко мне, должно быть, зрелость постучалась:
Чуть мудрости и маленькая жалость
К тому, что мной по жизни разбросалось.

Вон мой трамвай — задрезжал звонок,
Вон облако — прощальный шлёт кивок,
Читаю о себе, что пишет Бог.

Из дней прошедших, всеми позабытый,
Вернусь на мост, туманами повитый.
А облако как голубок убитый.

Пусть я ребёнок, пусть я буду стар,
Хочу спросить у Господа Христа:
Ты что, не хочешь, чтоб я счастлив стал?

Чтоб я писал, помех не замечая
Иль, как ребёнка, в люльке мир качая,
Молчал, людей улыбкой утешая.

Волна на Висле вдруг заколыхалась,
Была иллюзия — и та со мной рассталась,
Любовь распалась, ненависть сломалась.

Книг не напишет тот, кто страсть утратил.
Кто много думает, не вспомнит о дитяти,
Кто одинок, тому мы все некстати.

Встречает солнце ласточку-леталку,
Язык скупец, слов скупердяю жалко,
Но он слагает песенку считалку:

Где шумят тополя,
Спали три короля,
Дятел гвоздь забивает.

Короли разом сели
И три яблока съели,
Кукушечка зазывает.

Из Кароя Чеха

Присутствие

В безделье убиваем время,
живём — следа не оставляя,
мы как кладбищенские мухи,
на позднем солнце прожужжав,
оставим грязь
на мраморе гробниц.

Крест конца тысячелетия

Господь и рад
спуститься с высот,
да боится встретиться с нами:
не Христа-Спасителя ждёт народ —
а спасителя ждёт
с деньгами.

* * *

Перекрестившись, две тропинки
Спешат благословить восход.
А в небе то ли птички тинькают,
То ли душа твоя поёт.

* * *

А свет над кладбищем не тот, что над селом,
В нём есть таинственное что-то,
Имеет он над нами власть.
И души в свете том,
Как листья осени, готовые к полёту,
Стремятся воспарить, чтобы затем упасть.

Содержание

От автора 3

1950-е

«Я с первым солнцем ждать привык...»	9
«Если ты душою болен...»	10
«Я всё музу беспокою...»	12
«На углу дождливой Моховой...»	13
Домовой	14
Маме	16
«Заботу принесла зима...»	17
Ночной поезд	19
Слово	21
«Примета времени — молчанье...»	22
Солдатская муза	23
«Змеящаяся зависть...»	24
«Дети мои сирые...»	25
Побег	26

1960-е

«Не вижу смысла в фарте я...»	29
«Сегодня догорел закат...»	30
«Жизнь приходит с утра...»	31
Всеобщее братство	32
Колдун	33
На двадцать первое августа 1968 года	35
Реминисценции	37
«Ищу повсюду честь России...»	40
Осеннее	41

Девятое мая 1945 года	43
Багульник	45
«Подарить тебе апрель...»	46
«О, может быть на миг всего...»	48

1970-е

Хиросима	51
«Зелена гора...»	54
«Мы как-то раз брели со студии...»	55
«Какая всё же скука...»	56
Телефонный разговор Пастернака со Сталиным	58
«Пока цепляешься за сонм...»	59
«Уже мне реки те видны...»	60
«Пойдём, исполнены смирения...»	62
Два стихотворения под одним эпитафием	63
«Никакого тут нету запрета...»	65
«Бессмысленно писать стихи...»	66
«Любили русские князья...»	67
«Он ищет читателя, ищет...»	68

1980-е

Песня скорбных душой	71
О переменчивой погоде в Москве зимой 1982 года	74
«Уснуло всё, уснуло всё на свете...»	76
Виридиана	78
«Водица пахнет тиною...»	79
«Шла женщина однажды по дороге...»	80
Гроза в Ялте	81
Киев в три часа ночи	82
Сыну	83
«Для чего-то взял транзистор...»	84
Христос и Его ученики	85
«Кому-то с маслом каша...»	86

«Как сладко время одурачить...»	87
«Котёнок, сбитый автомобилистом...»	88
«Сосна летящая...»	89
Голицинская осень	90
«Ну что ж, что пришлось так жестоко...»	91
Баба Лю	92
Ангел	93
«Мне осталось чуть-чуть...»	94

1990-е

Впервые	97
Сон	98
Кто скачет, кто мчится	99
«Вот здесь, мы говорим уверенно...»	101
«Живу, живу, тяну резину...»	102
Время	103
«Мы, россияне, так рассеянны...»	105
Воскресение	106
Персоналии	
Пушкин	107
Хлебников	109
Арсений Тарковский	112
Шпаликов	113
Бродский	114
Из цикла «Разговорник»	116
Лексикон	118
«По пьянке, сдуру, в темноте...»	120
Свобода	121
«Что я любил на свете...»	122
Лорелея	123
«Мне понять невозможно...»	124
«Пока мы тоскуем и тужим...»	125
«Стоит берёзонька во ржи...»	126
«Когда я был самим собою...»	127
«Я прожил здесь лет сто...»	128

2000-е

Горы, лес и море	131
«Афина мылом мыла раму...»	134
«Вдоль моря бережок...»	135
«И море в странном освещенье...»	136
«Виновато шепнёшь: я чуть-чуть...»	137
Петербург	138
Эхо	139
Реинкарнация	140
Друзьям	142
«Ход конём, ход конём, ход конём...»	144
Таруса	145
«Страшен не сам черкес...»	146
Футбол	147
Из письма Батюшкова Жуковскому	148
«Я последний в отделенье...»	149
«Непрочитанные поэты...»	150

2010-е

Афон	153
Вчерашний день	155
Осень	157
«Мы опять говорим не о том...»	158
Ремейки. Подражания	
Гейне	159
Лермонтов	159
Пушкин	161
Путешествия	
Париж	163
Рим	165
Египет	168
Сиракузы	169
Крит	170
Прощанье с морем	173

Восьмистишия

I

«Нас в небе ждёт элизиум...»	177
«Душевная буря метёт...»	177
«Что-то завтра...»	178
«Душа моя, дева немая...»	178
«Как телу надобен уход...»	178
«Душа моя старалась...»	179
«Лишь раз, переступивши грань...»	179
«Господь придёт в весёлый час...»	179
«Мир хрупок и звенит. Деревья...»	180
«Не бойся времени, оно...»	180

II

«Планета, словно поезд...»	181
«Одно уменье убивать...»	181
«На проспектах твоих запылённых...»	182
«Мы взлелеяны страхами...»	182
«Как сладко быть счастливым...»	182

III

«Мы все у Рубцова читали...»	183
«Сломался ваш магнитофон...»	183
«Душа моя от тела отлетела...»	184
«Вначале было слово, слово...»	184
«Образ жёлтый, казённый и скучный...»	184

IV

«За то, что правдой не своею...»	185
«Пойдёмте в вернисаж, там на исходе лета...»	185
«В день выборов я провожал знакомых...»	186

«Перестроимся и, не мешкая...»	186
«Сидит на камне Чехов...»	186
«Быть может не во сне, а наяву...»	187
«Пушай нас всех развеет...»	187

V

«Я стану кануть, кануть, кануть...»	188
«О, как мы к женщине глухи...»	188
«Жена не голоси...»	189
«Нет ничего смешней мужчины...»	189
«Ты — как за тысячу веков...»	189

VI

«Не вскакивать ночами...»	190
«Пошёл на Каланчёвку...»	190
«Ткацкой долей проклятой...»	191
«Жизнь промчалась, как день субботний...»	191
«Опять квитанцию прислали...»	191
«Какими все мы были корешами!..»	192
«Дрязги, склоки и укоры...»	192

VII

«Всё мигом утекло...»	193
«Был я мальчиком, не было мне четырёх...»	193
«Настоящее есть чудо...»	194
«Новостям плохим не верю...»	194

VIII

«Я в том бою, где не убьют...»	195
«Где волны серые, холодные...»	195
«Я хочу в те места, где грибам...»	196
«Сторожок упал в песок...»	196
«Пора ко сну...»	196
«Всё время солнце в тучи прячется...»	197

«Я нынешней ночью заметил...»	197
Кошачий Экклезиаст на окне	197
«В конце среды, погоду делая...»	198
«На дачах Аркадии...»	198
«День, утомлённый сонной ленью...»	198

Поэмы

Маленькая поэма без названия	201
Молитва	204
Песни восточных славян	208
Азия	221
Море	236
Второе пришествие	240
Письма в Париж о сущности любви	247
Лоскут папируса. Тяжба Сета и Гора	256
Случай в ботаническом саду Балчика в Еньовдень	260
Замедленное кино	270
Тридцать седьмой трамвай	275
Легенда об императоре Александре I Благословенном	284
Склероз плюс реинкарнация	288

Переводы

Из Тараса Шевченко

«И небо немьто, и заспано море...»	295
«Ой, натоу товарища...»	295
Завещание	296
«О люди, люди, бедолаги...»	297
«Как у Катерины...»	298
Русалка	300
Лиля	302

«Ой, не пьются пиво, мёды...»	304
«Пристрою боковушку к хате...»	305

Из Леси Украинки

Черешенки	307
Надежда	308
Зимняя весна	308
Лесная песня	309
«Ах, если бы достать мне струн живых...»	310

Из Чеслова Милоша

Встреча	311
Счастье	311
Вальс	312
Песенка для одной струны	312

Из Кароя Чеха

Присутствие	315
Крест конца тысячелетия	315
«Перекрестившись, две тропинки...»	315
«А свет над кладбищем не тот, что над селом...»	316

Александр Тимофеевский. Избранное

возрастная категория 18+

Составитель:
Наталья Дьякова

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 29.10.2018
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 20,25
Тираж 800 экз.

ISBN 978-5-6041935-0-1

9 785604 193501

Это не столько отдельные стихотворения, сколько единый стихотворный поток... и поразительная естественность, с которой в этом потоке — как отдельные волны — появляются и картины, и афоризмы, и мольбы, а стремительное течение стихов продолжается при этом без остановки.

Григорий Дашевский

Его (Александра Тимофеевского) отношения с миром и поэзией уникальны: он вдыхает, как все люди, воздух, а выдыхает стихи.

Александр Кабаков

Александр Тимофеевский родился в Москве в 1933 году. Во время войны жил в блокадном Ленинграде, затем в эвакуации в Челябинске. В 1958 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Впервые опубликовался в рукописном сборнике Александра Гинзбурга «Синтаксис» (1959–1960), после чего «взрослые» стихи Тимофеевского появились в печати только во второй половине 1980-х. Работал на «Таджикфильме», «Союзмультфильме», вёл программы на радио, писал стихи для детей, сценарии мультипликационных фильмов, песни для кино, занимался поэтическими переводами. Автор тринадцати поэтических книг и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат премий журналов «Новый мир», «Дружба народов», премии «Венец», Antologia и других.

ISBN 978-5-6041935-0-1

9 785604 193501